

АЙЛИН ЛИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Айлин Лин

Ассана. Путь к свободе

«Автор»

2023

Айлин Лин

Ассана. Путь к свободе / Айлин Лин — «Автор», 2023

Мы - группа людей из 21 века планеты Земля, попали и затерялись в ледяных просторах чужого мира, имя которому Ассана. Если каждый будет только сам за себя - мы погибнем. Поэтому исключительно вместе, и всеми силами вперёд на поиски дома, в котором мы сможем обустроиться, защитив себя от угроз суровой земли! Второй самостоятельный роман по миру Ассаны.

© Айлин Лин, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 Хок	5
Глава 2 Новый мир	8
Глава 3 Блуждающие	11
Глава 4 Ночь	14
Глава 5 Мамонты	18
Глава 6 Рабы нового мира	21
Глава 7 Будни раба	25
Глава 8 Пленница	29
Глава 9 Работаем!	33
Глава 10 Глас	37
Глава 11 Ассаи Видика	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Айлин Лин

Ассана. Путь к свободе

Глава 1 Хок

– Негритянка! Будешь моей рабыней! – кричал мальчишка на весь школьный коридор, попинывая мой рюкзак.

Привыкнуть к обзываниям не получалось от слова совсем. И почему дети такие злые и безжалостные?

Моя прабабушка была наполовину африканкой. И надо же было такому случиться, что я пошла в неё. И обидные прозвища, которыми меня называли «чернорожа», «чернопопа» «чёрная» и другие клички всегда вызывали слёзы и желание дать в морду. И не сказать же, что я была чернокожей. Вовсе нет. Просто очень смуглой. Отличалась от других.

И мама, чтобы унять вечные слёзы, отдала меня на секцию айкидо. Через год упорных тренировок задирать и обзывать меня опасались все в школе. А ещё через пару лет отпала необходимость столько времени тренироваться – я выросла и превратилась, как говорится, из гадкого утенка – в лебедя. И внимание мальчишек очень мне льстило, а зависть девчонок – проливалась бальзамом на душу.

Но тренировки я не бросила. Не такой у меня характер.

Первый дан получила сразу после школы, а дальше решила, что буду заниматься просто для себя, чтобы поддерживать тело в хорошей физической форме. Шли годы, я закончила университет и получила профессию IT-шника, как у нас любят сокращать. Нашла престижную работу и коллектив попался вполне дружелюбный.

А через пару лет я-таки решилась и оформила ипотеку. Красивый дом комфорт класса – всегда о таком мечтала. Но было одно большое «но». Со мной доведом шла бабушка и её второй муж. Я никак не могла бросить единственную кровную родственницу в увядающей деревушке на пять домов. Обещала маме за ней присмотреть. Её супруг был мерзким старикашкой. Хотя, должна отдать ему должное, шустрый гад, тут же развёл бурную деятельность и его избрали ни много ни мало – председателем кооператива собственников квартир. Альберт Акакиевич мне не нравился, но я терпела. Он вёл себя в моём присутствии очень прилично. Но взгляд, его обращение к другим людям, которым меньше повезло в жизни.

Как-то я спросила бабушку, почему она вышла замуж именно за него. И получила исчерпывающий ответ:

– Дорогая моя внучка, он ведь моложе меня немного. Красив. Умён. Влюбилась я, глупая. А как поняла, что человек он с гнильцой, так рука не поднялась выгнать. А теперь куда его? Не оставлять же помирать одного? Мы люди, а не звери. Безбожно это.

На эту речь мне не нашлось, что ответить.

Раздавшийся звонок телефона отвлёк меня от мыслей о родственниках.

– Привет! – в трубке раздался весёлый девичий голосок моей лучшей подруги Ани, – ты сегодня на свою тренировку пойдёшь?

– Да, обязательно. Ты же знаешь, я стараюсь их не пропускать, – зевнула я в ответ. – Ты звонишь мне каждую пятницу и пытаешься сбить с пути истинного, и каждый раз, когда я соглашаюсь – твои затеи заканчиваются печально, – хмыкнула я, но всё же добавила, чтобы уж совсем не обижать подругу, – завтра сбей, сегодня я снова скажу тебе – нет.

– Ты не понимаешь, – я сразу представила, как девушка надула розовые румяные щёчки в притворном негодовании, – сегодня Серёжа приведёт своего друга. И я видела его фотографию. Он такой... такой... короче, закачаешься!

Зачесался нос, и я чихнула. Знак, что если соглашусь, то меня будет ждать вечер томных взглядов и навязчивых предложений скоротать ночь вместе. Отказ снова не будет понят, и горе-любовник с расквашенным носом отбудет восвояси.

– Не сегодня, – твёрдо ответила я и Анька, почувствовав в моём голосе знакомые стальные нотки сдала назад. После чего мы с ней обсудили какие-то незначительные вопросы и распрощались.

До конца рабочего дня осталось несколько минут, и я достала из сумочки карманное зеркальце и посмотрелась в него. Так, тушь нужно снять, иначе после тренировки буду выглядеть, как обезьянка с чёрными кругами под глазами. Достала жидкость для снятия макияжа, спонжики и тщательно убрала всю тушь с ресниц. Может всё-таки наклеить? Зато не нужно будет по утрам мучиться у зеркала, растягивая губы в несуразно большую букву "о". Хмыкнула. И посмотрела на своё отражение: смуглокожая девушка, чего уж там мулатка-шоколадка, двадцати пяти лет с блестящими большими чуть раскосыми карими глазами смотрела на меня и загадочно улыбалась. Показав самой себе язык, я весело рассмеялась и захлопнула крышку зеркала. Пора выдвигаться.

Подхватив сумочку и спортивный рюкзак устремилась на выход из кабинета. Кабы в пробку не попасть!

– Хок! – окликнул меня тренер, когда я, мышкой скользнула в зал, где уже вовсю разогревались ребята. – Опоздала.

Склонившись в традиционном приветствии, я развела руками и ответила:

– Пробки.

Тренер кивнул и указал подбородком на разминающихся ребят.

Выполняя привычные движения, вдруг вспомнила свою первую тренировку и голос тренера, который говорил об айкидо, как о самом высоком искусстве единения человеческого тела и духа, дыхания и движения, как об искусстве, которое предполагает полный отказ от собственных амбиций. Айкидо – это не просто боевое искусство. Это движения, направленные на защиту, а не на атаку. Здесь упор делается на силу разума, а не на физическую силу.

– Во время борьбы тело должно быть расслаблено, – говорил мой первый учитель, пожилой мужчина с полностью седыми, коротко стриженными волосами, – а ум напряженным. Цель айкидо – не победа. Цель айкидо – побудить противника не нападать и перенаправить его агрессию в мирное русло. Цель айкидо – использовать агрессию оппонента против него же самого, а самому остаться в духовной безмятежности. Философия айкидо – равнение на природу, где царит гармония и нет конфликтов.

Моя первая победа. Награждение.

– Поздравляю! – говорит наставник, – Хок! Ты, как ястреб быстрая, стремительная. Летящая и опасная. Оставайся такой всегда! – и тогда Михаил Михайлович впервые улыбнулся.

– Хок! – окликнул меня мой нынешний тренер, ученик Михал Михалыча – Константин Львович, – чего это с тобой сегодня? В облаках витаешь! Возьми себя в руки!

Действительно, что это со мной?

Я подошла к кулеру и набрала в пластиковый стаканчик холодной воды и резко опрокинула его на голову. Помогло.

Вечер был по-летнему мягок, ветер обдувал разгорячённые щёки, и я шла довольная собой и хорошо окончившимся боем на боккенах (прим. автора: боккен – японский меч из дуба, который в зависимости от цели может быть гибким, с толстой рукоятью или с утолщённым лезвием).

Моей безоговорочной победой.

Летний вечер, как и положено, радовал бархатистостью воздуха и запахами роз.

Тёплый ветер гладил разгорячённые щёки шеею. Запрокинув голову, посмотрела на темнеющее небо и мигающие яркие точки далёких звёзд. Подмигнула им в ответ и рассмеялась своему глупому поступку.

Дома меня ждал сытный ужин и забота бабушки. Альберт Акакиевич уже лёг спать, и я была рада, что его физиономия не маячит передо мной, когда я с удовольствием поглощаю вкусную пищу.

Спать легла поздно. Инстаграм, ютуб – заняли несколько часов моего внимания. Знаю, что глупо торчать в социальных сетях, но я дитя своего времени, как бы я жила без телефона? Наверное, на вторые сутки точно сошла бы с ума.

Подумав об этом, выключила телефон и укрылась тонким пледом с головой.

Завтра суббота, а это значит, что можно выспаться. Понежиться в постели и никуда не спешить.

Засыпала я с улыбкой на губах, строя планы по ничегонеделанию на завтра.

А глаза открыла, потому что страшно замёрзла: зубы выбивали барабанную дробь и кончики ушей готовы были вот-вот и отвалиться.

Это что за фигня такая!?

Глава 2 Новый мир

Я стояла и смотрела на то, что происходит перед домом, совсем недалеко от нашего подъезда. Мне всё ещё не верилось в то, что наш жилой комплекс, такой надёжный, стоявший в элитном районе, провалился в бездну. Почти буквально. Осталось не так много, и он точно туда (в бездну) рухнет.

Тем временем между соседями шла нешуточная борьба: одна половина хотела отправиться в одну сторону, другая в другую. Громкие крики, залетающие в приоткрытое окно, не оставляли в этом никаких сомнений.

– Нужно идти вдоль этой трещины! На запад! – громко говорил Альберт Акакиевич, потрясая кулаком в морозном воздухе.

– Предлагаю идти на юг! – крикнула молодая хрупкая девушка в ответ. Её звонкий голос был очень убедителен.

– Алана, как ты обоснуешь своё предложение? – накинулся на неё Акакиевич.

– Скажу просто: юг – тепло, а холод я не люблю, – пожалала девчонка плечами и предложила:

– Люди, а давайте просто проголосуем?

Я отвернулась от окна и сказала бабушке:

– Альберт Акакиевич считает, что нужно идти вдоль обрыва. Я так понимаю, он думает, что лучше держаться вблизи воды. Но мне это не совсем понятно. Любое другое направление – не хуже. И вообще, я бы никуда отсюда не уходила. Разведать местность. Оглядеться. А потом решать: стоит отсюда сваливать, али обождать здесь. Может, портал в наш мир снова откроется?

Бабушка Надя возразила:

– Я считаю, что Альберт прав. Нужно идти и держаться воды.

– Бабушка, снег – это такая же вода. Ладно. Я так поняла, что своего старика ты не бросишь?

– Не брошу, – вздохнула женщина.

– А я не брошу тебя. Итак, нужно собрать всё самое жизненно необходимое для похода. Трещины под домом растут и, боюсь, у нас не так много времени осталось. Лекарства, тёплая одежда, сменная одежда, обувь, одеяла, нашу старую походную палатку разыскать на балконе, спички, зажигалки, свечи, фонарики всё прихватить. Еду достать и разложить компактно по пакетам. Не забыть про кухонные ножи, молотки, – бросив взгляд на бабулю, что быстро записывала за мной, тихо добавила, – свой боккен обязательно возьму. Возможно, оружие нам пригодится. Но, надеюсь, что всё же обойдётся без него.

Всё, что могли мы запихнуть в чемоданы, рюкзаки, и то, очень много вещей осталось лежать по квартире печальными кучками.

– Бабушка Надя, давай оставшееся сложим в простыни и завяжем концы в узел? Чувствую в себе силы эти тюки уволочь.

И это было чистой правдой. Я, привыкшая прислушиваться к своему организму, ощущала небывалый прилив энергии. Горы сверну – не замечу!

– Не знаю, что это: адреналин ли али стресс, но у моего тела явно физический подъём. Ты что-нибудь подобное за собой заметила?

Старушка отрицательно качнула головой, проворчала:

– Тебе рук не хватит, чтобы столько унести.

– Мы по-другому поступим, – начала рассуждать я, – видишь, вон те то ли кусты, то ли молодые деревца? – кивнула я на окно. – Волокуши мне в помощь. Пойду, попрошу у кого-нибудь топор или пилу.

Спешно выбежав на улицу, огляделась.

– Алексей Сергеевич! – окликнула я усатого, высокого мужчину средних лет, бывшего полковника, соседа по лестничной площадке, – у вас не найдётся топора?

– Найдётся, – кивнул он. – Зачем тебе?

– Мне нужно несколько толстых ветвей срубить, чтобы смастерить волокуши.

– Погодь, я тебе подсоблю, – я, не будь дурой, с радостью согласилась. И через пол часа получила желаемое.

– С нами пойдёшь? – вдруг спросил сосед, но я качнула головой.

– Бабушка Надя не бросит мужа. А я должна за ней присмотреть. Так что я с ними.

– М-да, – хрустнул пальцами бывший полковник, – пойдём ко мне, дам тебе кое-что.

Несколько часов спустя мы, наконец-то, выступили. Семьдесят пять человек. Во главе нашей процессии встали Акакиевич и два незнакомых мне мужика. Один лет пятидесяти, второй помоложе, где-то около тридцати-тридцати пяти.

Я и бабушка встали в центре колонны, и вся эта толпа поchapала в неизвестность.

Глупость несусветная. Но я решила не выступать. Меня всё равно никто не слушает. Для всех я внучка бабы Нади и Альберта Акакиевича и вообще, тёмная лошадка.

Оглянувшись, бросила последний взгляд на дом и на оставшуюся менее многочисленную группу людей, что всё ещё продолжала вдумчиво собирать свои вещи в компактные тюки. И я по достоинству оценила их организованность. Даже позавидовала, что Алексей Сергеевич решил отправиться с ними.

Крутой мужик.

От дома мы ушли достаточно далеко, но грохот рухнувшего в обрыв здания эхом пронёсся на многие километры окрест. Успели. Дружный вздох облегчения послышался со всех сторон.

– Не тормозим! – проорал молодой "предводитель". Я хмыкнула, натянула на глаза горнолыжные очки и пошагала вперёд. А в голове анализировала окружающие странности. И одна из главных: порядком нагруженные люди тащили слишком много скарба в руках и за плечами. Слишком. Много.

И никто этого не замечал. Я не слышала ни одного удивлённого возгласа, как будто все мои соседи по дому – суперлюди и привыкли к такому. Это вторая странность.

И третья. С каждым шагом мне становилось всё тоскливее, аж выть хотелось. У меня и раньше была чуткая интуиция, но сейчас... Сейчас все чувства обострились до предела и кричали, разрывая душу.

Тряхнув головой, отогнала тревогу прочь, вернула сползший с носа шарф на место и подхватила бабушку под локоток, чтобы та ненароком не упала.

Офигеть, как здесь холодно!

Народ тащился неорганизованной кучей, дети сидели в санках. Я всё пыталась их сосчитать, но мелкий снег, что так неожиданно начался, не давал мне этого сделать. Где-то десять-пятнадцать детей разных возрастов. Стариков немного, человек десять. Я знала только общее количество выступивших на запад людей. А кто есть кто – понятия не имела.

В этом доме мы жили полтора года и из-за моей вечной занятости и нелюдимости я толком и не знала, что за люди живут вокруг меня. Моё упущение, наверное. Нужно наверстать. Мне предстоит идти с ними бок о бок энное количество дней. А может недель. Есть потребность изучить своё нынешнее окружение, хотя бы в общих чертах.

Посмотрела на бабушку. Убедившись, что она не замерзла, бросила взгляд на новое солнце. Оно было немного другим, более бледным, что ли? Не уверена, возможно, преувеличиваю.

Первый привал организовали через пару часов. Нытьё женщин и возмущения стариков, заставили наше "руководство" объявить отдых.

Сухой лесочек стал нашим топливом для шикарных костров. Срубили всё. Подчистую. И надо же, вся древесина загорелась. А я ведь сильно сомневалась: в таких погодных условиях эти деревья должны были превратиться в сосульки, но... И это ещё одна странность, которую я отложила в копилку своих наблюдений.

Никто не экономил: перекус забабахали такой, что я рот приоткрыла. Это же надо, какие у меня соседи беспечные.

– Вы что делаете, Альберт Акакиевич? – возмутилась я, когда мужчина полез в мой рюкзак с запасами и начал в нём деловито рыскать, – нужно экономить еду. Всем об этом скажите. И мою сумку не трогайте!

Старикашка отмахнулся от меня, как от надоедливой мухи.

– Не кипишуй, Аня! Скоро к людям выйдем, не вижу смысла экономить. В таких лютых условиях питаться потребно соответствующе, дабы не окочуриться от холода.

Я глубоко вдохнула. Медленно выдохнула, подняла ладонь, чтобы треснуть по загребушим рукам, но заметила, как на меня внимательно смотрит бабушка и ограничилась простым: выхватила свой ранец из рук наглеца и отчеканила:

– У бабы Нади есть ещё мешок с едой. Берите оттуда, в сторону моей собственности не смейте даже смотреть!

Акакиевич захлопнул рот так, что я отчётливо услышала, как его вставная челюсть хрустнула.

– Тогда и ты не ешь с нами! – вызверился он. Я равнодушно пожала плечами и, отвернувшись от родственничка, откусила большой кусок от протеинового батончика и с удовольствием начала жевать сладкое угощение, оглядывая греющихся вокруг костров смеющихся, беззаботных людей.

Глава 3 Блуждающие

Две луны. Незнакомые созвездия. И две недели блужданий по этой ледяной земле.

Я стояла у еле тлеющего костра и смотрела на далёкие холодные звёзды. Но почему-то подмигивать им в ответ совсем не хотелось.

Пару часов назад закончился очень сложный разговор с «предводителями» нашей группы. И теперь на мне висела ответственность за отделившихся от них людей. Но обо всём по порядку.

Первые дни перехода были вполне сносными. Я ни во что не вмешивалась, наблюдала и делала выводы.

На третий день произошла неприятная ситуация в нашей маленькой семье.

– Надюша, моя милая, ты ведь отдашь мне свои очки? – услышала я тихий шёпот Акакиевича рано поутру. Сделав вид, что всё ещё сплю, прислушалась.

– Арни, – я чуть не хмыкнула, каждый раз, когда слышала это сокращение мне хотелось смеяться. Старик точно не тянул на небезызвестного всем актёра. – Дорогой, а как же я? Мне ветер и снег сильно режут глаза, ты же знаешь, мне нужно беречь зрение.

Акакиевич еле слышно фыркнул, и заявил:

– Ты за Аньку спрячься, и иди с закрытыми глазами. Она девка сильная, о тебе вполне может позаботиться. Мне же нужно вести людей вперёд.

Я скрипнула зубами – Сусанин недоделанный. Разница в том, что на погибель (совершенно бессистемно, наобум) он ведёт своих же, а не врагов. Гад. Наверняка, среди людей есть понимающие и умеющие ориентироваться на местности люди. Мог бы собрать совет. Нет же, только его слова верны. Точнее других двоих, с которыми я пока не была лично знакома. А Арнольд их хвостик.

– Арни, нет. Не дам, – я представила, как бабушка качает отрицательно головой и сейчас искренне порадовалась её упёртости. – Это Анюткины горнолыжные.

– У неё заберёшь, – снова хмыкнул мужик и добавил, – она молодая, без очечков справится.

– Арнольд Акакиевич, – буркнула я, разворачиваясь. В двухместной палатке на троих места было достаточно, как раз лежать столбом, без возможности согнуть ногу в колене. Моя любимая поза – цапля, в этих условиях – мечта несбыточная.

– Очки мои оставьте в покое, обе пары – мои, и одни из них я дала бабушке, а не вам. Так что на чужой каравай рот не разевай, – закончила я мысль принимая сидячее положение.

– Ах ты! Негроска! – напустился на меня старик, – тебя в роддоме попутали. Всё! Терпеть я больше не собираюсь! Квартира твоя провалилась в бездну. Сейчас каждый сам по себе. Ну-ка, Надя, отдавай очки, как глава семейства приказываю!

– Ошалел, что ли, старый!? – воскликнула бабушка и треснула ладонью по лбу мужу, – ну-ка пошёл отседова!

И толкнула сидящего у выхода из палатки старика. Тот, взмахнув руками, завалился на спину. Матерился Акакиевич любо-дорого послушать. Встав на четвереньки, кинул нам:

– Больше не буду с вами даже рядом стоять. Не ждите от меня помощи. Гадины.

И выполз наружу.

– Старый пень, – проворчала бабушка и вдруг улыбнулась мне, – я за эти дни много чего передумала, родненькая моя. И, знаешь ещё, что?

Я отрицательно помотала головой, перевязывая шарф по-новому. Спали мы в верхней одежде и сапоги тоже никто не снимал.

– У меня как будто пелена с глаз спала. Арнольд, оказывается, даже хуже, чем я о нём думала совсем недавно.

Мне не оставалось ничего – просто молча слушала причитания бабули и споро скатывала одеяло в тугую тюк.

– Думается, что права ты была, – продолжала вполголоса "исповедоваться" родственница. – Надо было идти с соседом нашим – Алексеем Сергеевичем. А сейчас, где их искать? У него поди ж и пистолет, какой завалился, ай, чего уж теперь, – женщина махнула рукой и принялась мне помогать.

– Бабулечка, – приобняла я её за плечи, – он мне дал оружие, – тихо шепнула ей на ушко. – Лук свой со стрелами отдал и револьвер мне подарил. Ты только никому не говори. Я лук завернула плотно и в нашу волокушу сложила, всё равно им пользоваться не особо научена. Револьвер вот, – сказала я, расстёгивая куртку, на поясе висела кобура с бесценным в этих условиях подарком.

– Ах ты ж, батюшки, – зашептала бабушка, прижимая ладони к щекам, – спрячь, отберут. Молчать буду. Никому не скажу. Используй, когда совсем без этого будет не обойтись.

– Ты тоже чувствуешь, да? – прищурилась я, оглядывая женщину пристальным взглядом.

– Чую, – кивнула та, – грядёт что-то. Сердце не на месте. Тревога гложет меня, старую.

– У меня ещё боккен упакован, тоже лежит среди вещей. Но сегодня я его достану и буду держать рядом. Не бойсь! Прорвёмся.

Дни тянулись, бесконечно... Сначала с едой не было никаких проблем. Люди ели от пуза и забот не знали. Но всё хорошее имеет свойство заканчиваться. И продукты тоже стали подходить к концу. Лесов вокруг не было, только пышные заросли низкорослого кустарника, что служил нам топливом для костров. Как будто специально росли по пути нашего следования.

Мужики начали пытаться охотиться на грызунов, ямки которых виднелись то тут, то там в снегу. Безрезультатно. Я тоже ни разу не охотница, поэтому помочь им ничем не могла.

Стали экономить. "Предводители" догадались собрать в одну волокушу все припасы и готовить в одном котле на всех. Понемногу. Чуть больше доставалось детям.

Я свои запасы тоже отдала в общую кучу. Как и бабушка. Но протеиновые батончики оставила при себе. По большей части на них мы с бабулей и держались.

Палаток было мало. Всего десять на такое количество людей. Нашу хотел забрать себе молчаливый мужик со скандальной женой и двумя тихими детьми. Я не дала. Сказала, чтобы детей оставляли у нас, а сами искали себе другое место для ночлега. Почему-то отец девочек-погодовок на меня сильно обиделся и, схватив малышей подмышки, свалил куда-то вглубь лагеря. Ну что же, философски подумала я, не силой же забирать у него детей. Замёрзнут, принесут их к нам, как миленькие.

У многих были спальные мешки и абсолютно все взяли с собой одеяла. Тем и спасались.

Но... мы мёрзли. Конкретно так. И при всём при этом, никто не заболел и не отморозил себе что-нибудь. У меня уже были теории на этот счёт. Одна из них мне нравилась больше всего: некто или нечто нас оберегает. Вот только для чего? И это пугало. Не бывает нахаляву. Я, привыкшая добиваться всего трудом, не верила в безвозмездность происходящего.

Через день, с вселенской печалью на морщинистых лицах, у "порога" моей палатки остановилась пожилая супружеская пара и попросила дать им место.

А меня всё больше начало раздражать наше руководство. Разместив троих стариков, я пошла гулять по лагерю в поисках места, где можно было бы переждать ночь. Идя между группами людей, прислушивалась, о чём они между собой говорят. Костров было много, и тепла они давали достаточно. Только на голой земле сидеть не вариант. Одно из одеял я забрала. Старики промолчали. Были счастливы, что со всех сторон их не обдувает ледяной ветер.

Так продолжалось довольно долго. Кусты стали встречаться всё реже, ночной холод становился злее и безжалостнее.

А сегодня моему великому двухнедельному терпению настал конец. Кажется, я слишком затянула. Мой неконфликтный, в общем-то, характер сыграл со мной злую шутку.

Меня всё это достало и я, как только объявили привал, направилась к нашему "руководству": Арнольду Акакиевичу, который все эти дни словно забыл о существовании своей супруги, Кириллу, мужик пятидесяти пяти лет, бывший начальник отдела сбыта на птицефабрике, третий из них – Виктор, молодой самоуверенный, себялюбивый, в другом мире он был вполне успешным юристом. А потом выловлю этих троих и поговорю с ними. По-хорошему. А дальше, как пойдёт.

– Не дело это, – услышала я, проходя мимо группки людей, сидевших вокруг небольшого костра. Трое мужчин и пара женщин кутались в уже порядком истрёпанные синтетические одеяла и негромко переговаривались между собой. – Они вон в какой палатке ночуют, а мы у костров кости морозим и гениталии. Надо идти и говорить с ними.

Это было правдой: наше "руководство" спало и ело лучше всех остальных. Как и их прихлебатели. Вокруг них собрался десяток крепких мужиков и несколько услужливых женщин. Пока просто готовивших им еду. Честно говоря, возможно, и гревших им постель, точнее спальные мешки, но лично я этого не видела, поэтому не берусь утверждать.

– Пропусти, – хмуро выговорила я амбалу, кажется его зовут Женя, – мне нужно поговорить с руководством.

– Не положено, – ответил мужик и нагло усмехнулся, – лучше айда, прогуляемся вон за тот куст.

– Ну, пойдём, – не раздумывая кивнула я, первой устремляясь в указанную сторону.

Евген не заставил себя просить дважды, и пошагал за мной.

– Красавица, мне Акакиевич говорил, что с тобой лучше не связываться, а оно вона как, легко всё прошло.

– Штаны снимай, – перебила я его, оглядевшись кругом: нужно было убедиться, что нас без проблем обнаружат.

– Ох ты ж, шустрая! Уже снимаю, – обрадованно заржал придурок.

Спустил штаны он так резво, что я даже позавидовала такой скорости. На этом счастье мужика закончилось.

– Маловат он у тебя, что-то, – презрительно хмыкнула я, демонстративно оглядывая его достоинство.

А затем, не давая ему времени ответить, резко присела и сбила его с ног.

Хлоп!

Амбал смачно приземлился голыми ягодицами в сугроб под кустом. Короткий вскрик пролился бальзамом на душу, кажется, его пятая точка напоролась на острую ветку. Маты были чрезвычайно цветистыми.

На шум начал подтягиваться народ. Сначала все недоумённо застыли. А потом послышались смешки.

– Ах ты, сука! Я тебе ещё отомщу! – выл неудавшийся любовничек, я фыркнула и выпела взглядом Арнольда Акакиевича и его друганов.

– А с вами мне надо поговорить. Раз уж сюда подтянулись многие, то пусть слышат все!

Бывший родственничек натужно сглотнул, а в глазах мелькнул страх. "Бойся меня", – мелькнула мысль из какого-то ужасика, и я весело хмыкнула, готовясь к словесной битве.

Глава 4 Ночь

– Мне не нравится, как вы разделили ресурсы, – первое, что я сказала "предводителям".

– И что же тебе не по душе? – хмыкнул Кирилл. Чуть полноватый, высокий мужчина с залысинами на голове, карими глазами и чересчур бледной кожей. В толпе встретишь – не обратишь внимания. А приглядевшись поймёшь, что он не очень приятный человек. Но это моё сугубо личное мнение. – Анна, все продукты сложены в одну волокушу. Еда подаётся из общего котла. Все обеспечены одеялами и спальными мешками. Никто не заболел, а это показатель того, что всего хватает.

Я помолчала немного, раздумывая говорить ли всё, как есть или нет.

Окинув глазами лица окруживших нас людей, решила:

– Кто-нибудь заметил странности? Во-первых, мы страшно мёрзнем, но всё еще не заболели. Во-вторых, у нас на пути всегда куча сухих кустов, которые отчего-то ярко и долго горят. В-третьих, все мы тащим на своём горбу туеву хучу вещей и всё ещё не надорвались.

После моих слов воцарилось молчание.

– У меня были мысли на этот счёт, – вперёд выступил щуплый вихрастый парнишка, со съехавшими на кончик носа очками, – я ведь далеко не тяжелоатлет, а тащу свои два баула без особого напряжения. Знал бы, больше из дома уволок. Я вообще по образованию инженер, но сильно любящий физику, и мне кажется, что этот мир с более слабой гравитацией. Из этого следует, что наши кости более плотные для этой земли, потому и тяжести поднимаем, как говорится, одной левой...

– Ну, хватит, – скривился Виктор, смазливый юрист, третий руководитель нашей группы, – ты оттолкнись и прыгни вверх. Получается, как обычно? Тогда твоя теория не имеет под собой почвы. Просто мы стали сильнее. Примите, как факт и будет вам счастье. Не болеем? Радуйтесь и не ропщите. Ветер можно перетерпеть...

– Слушай, Витя, – обратилась я к парню, его от моего обращения чуть перекосило, но, думаю, как-нибудь переживёт. – Палатку свою освободите. Стариков и детей разместите. Примером своим покажите радение за самых незащищенных.

– Ты, девушка, должна понимать, чтобы нормально руководить и вести людей к лучшей жизни, нам, взявшим на себя такое тяжкое бремя, просто необходимо где-то отдыхать и приводить мысли в порядок, – высокопарно проговорил Кирилл. Я даже рот приоткрыла, во даёт!

Люди молча стояли вокруг нас, и никто не осмелился встать на мою сторону.

– Народ, вы слышите, что за хрень этот "руководитель", несёт? Трое здоровых мужиков спят в роскошных условиях, да ещё едят от пуза, – последнее я говорила наугад, но мелькнувшее в их глазах смятение сказало мне о многом.

– Что скажешь, Кирилл? – вздёрнула я подбородок, с вызовом глядя на мужчину.

– Скажу, что брешешь, – нахмурился означенный тип.

– Схватить её и выкинуть из лагеря! За стремление расколоть установившийся порядок! Смутьянка! – а это Арнольд Акакиевич крикнул, одновременно делая пол шага назад, стараясь спрятать свою трусливую задницу за спину оклемавшегося Жени-амбала.

На меня тут же кинулось трое его лизоблюдов, с Евгеном во главе.

Рассекая воздух с тихим свитом мой боккен, треснул первого подбежавшего ко мне нападающего в локтевой сустав. Бам! И мужик с воем отлетает в сторону. Другие разошлись в стороны не спеша нападать. Трусы.

– Вы ненормальные, – покачала я головой. – Достали меня. Люди, кто хочет пойти со мной? Кирилл, имейте в виду, свою часть еды я заберу.

– Ничего я тебе не дам! – оскалился мужик. – Хватайте её, чего бояться, она же просто много возомнившая о себе баба!

Но тут произошло то, чего никто не ожидал: меня загородил тощей грудью тот самый инженер-физик, сжимая в руке приличных размеров каменику.

– Ша, как вмажу! – срываясь на петуха пригрозил он. Тут и остальной народ очнулся и рядом со мной встали ещё пятеро: две женщины и трое парней. Имён я их не знала, но, думаю, успеем ещё познакомиться.

– Стоп! О чём мы спорим, вообще? Как торговки на базаре! Что за блажь? Пусть валят на все четыре стороны, – фыркнул Виктор, – берите вашу часть продуктов, и скатертью дорога. Стариков тоже прихватите, раз за них так переживаете. Они не дают нам двигаться быстрее. Из-за них могут пострадать остальные и дети в первую очередь. Аня, теперь пенсионеры – твоя забота.

Нашёл чем прикрыться. Детьми. А ведь старики тоже люди. Мерзота. Все эти мысли вихрем пронесли в моей голове, но я удержала их при себе – нечего раздувать конфликт, и просто кивнула:

– Завтра, как рассветёт, мы уйдём. Кто ещё хочет, может присоединиться к нашей группе. Двинем назад, по своим же следам, до места падения дома. А оттуда по компасу пойдём на юг за группой Алексея Сергеевича.

Народ расходился впечатлённый произошедшей стычкой. Обсуждая моё предложение и слова троицы "предводителей". Никому не понравилось их отношение к пожилым людям. Многие задумались. Но я видела их лица. Стариков было жаль всем. Но также многие понимали, что они – балласт и с их медлительностью можно так никуда и не дойти.

– Аня, – ко мне обратился тощий инженер, деловито поправив очки, договорил, – я иду с тобой. Меня Серёжа зовут.

Я кивнула, и вопросительно подняла брови, оглядывая остальных пятерых.

– Антон, – представился коренастый усатый мужичок, – это моя супруга Катерина.

– Степан, сестра моя – Лиза, – близнецы, однозначно. Если бы не длинные волосы и тонкая фигура девушки, то отличить их друг от друга было бы сложно. Оба высокие, стройные и светлокожие.

– Осман, – точно турок, подумала я, разглядывая черты лица нового знакомого. Я даже и не знала, что жила в доме с такими колоритными людьми. Вот, что значит нелюдимость, подумалось мне.

– Приятно познакомиться, друзья! – пожав всем руки, сказала, – пойдёмте собирать вещи. Выступаем рано утром.

Разговор с бабушкой и двумя стариками, что ночевали у нас в палатке, я решила отложить до утра. Никуда они не денутся. Только вот тревожный звоночек звенел в голове всё громче.

Сейчас. Нужно уходить сейчас!

Хватит! Приказала я сама себе и, оторвав взгляд от холодных чужих звёзд, развернулась лицом к лагерю и пошла к костру, вокруг которого расположились мои новые знакомые, накидавшие свои вещи в общую кучу "возвращающихся". К нам пока больше никто не присоединился.

– Давайте немного расскажем друг о друге? – предложила я, чтобы не молчать. Вообще не люблю много разговаривать, но, когда нужно, меня иной раз не остановить.

– Я работала айтишником в крупной иностранной компании. Занималась айкидо. Вот вроде и всё. Кроме бабушки Нади родственников нет.

– А я инженер, на машиностроительном заводе работал. Точнее начал работать, только универ закончил, – смущённо улыбнулся Серёжа. – Моя мама уехала в командировку, и я остался дома один. Получается, что она там осталась без меня, – грустно закончил он, – но это и хорошо, – бодро воскликнул он, кажется, убеждал больше себя, чем других, – ей не

нужно мёрзнуть и идти в неизвестность. А вдруг тут злобные твари обитают? Как из ужасиков? Или люди жестокие живут? Или вообще, кроме нас на всей планете нет ни единого разумного человека?

– Так можно до оборотней и вампиров додуматься, – рассмеялся Антон, – я писатель-фантаст, – добавил он, широко улыбаясь, – и в моей голове похлеще мысли бродят. Но не буду вас пугать. Не то спать спокойно не сможете. Жена моя, кстати, мастер-ювелир.

Екатерина улыбнулась и сказала:

– Держала свою мастерскую, сама давно ничего не мастерю, всё больше занимаюсь продвижением своего дела и бухгалтерией.

– Ваши профессии везде пригодятся, нужные очень, – грустно сказала Лиза. – А мы вот только школу с братом закончили. Летом должны были сдать вступительные экзамены в вуз, а вон оно, как получилось. Не сложилось. Родители на даче были в день попадания, поэтому они тоже остались там, на Земле, – добавила девушка с тоской в голосе.

– На кого учиться хотела? – спросил Серёжа, чтобы отвлечь девушку от переживаний.

– Дизайнер, – встряхнулась юная красавица и мечтательно улыбнулась, – всегда хотела создавать уют в домах людей. А вот Стёпа подал документы на архитектурный факультет.

– Да, – кивнул её брат, – мы близнецы, – вдруг добавил он и все рассмеялись. Это чуть разрядило обстановку.

Последним заговорил турок:

– Я работал шеф-поваром в своём же ресторане. Дело процветало, даже смог квартиру в вашем ЖК купить.

– Прикольно, – рассмеялся Сергей, – у нас такая разная компания собралась.

– Знаете, о чём я мечтаю больше всего? – вдруг сказала жена Антона, – я мечтаю помыться! Согреться. И даже пусть меня не будут кормить. Хочу только это.

И, правда, смыть с себя накопившуюся грязь хотелось настолько, что я бы даже от тазика с горячей водой не отказалась.

Спать легли поздно, всё думали, как вести стариков, чтобы увеличить темп. И решили рассадить их на волокуши. Как раньше не догадались? Силушкой нас этот странный мир не обидел. Оказалось, все мы были сильнее себя обычного минимум в два раза.

Народ, зарывшись в одеяло всё же погрузился в тревожный сон. А я, встав с нагретого рюкзака, поплелась в сторону своей волокуши. Отыскав свёрток с запакованными в него луком и стрелами, прихватила маленькую лопатку и отправилась к дальнему концу полосы кустарников.

Оглядываясь на каждом шагу, опустила на колени у самого первого растения, и начала рыть в глубь и в стороны ямку. Работала быстро, больше переживала, что меня увидят.

"Зачем я это делаю?" – билось в голове судорожно.

"Завтра уйдём, и нам оружие пригодится", – думала я, укладывая пистолет с кобурой и тук с луком под корни. Завалив всё замёрзшей землёй и снегом, выдохнула облегчённо. Стало чуть поспокойнее на душе.

Если ночь пройдёт без происшествий, утром достану.

Вернувшись на своё место, положила рядом с собой верный боккен, и постаралась уснуть.

Сны мне снились тревожные, кто-то кричал и плакал, бабушка звала на помощь...

Очнулась я резко. И сразу заметила силуэты подходящих к лагерю людей. В предрассветных сумерках разглядеть детали было сложно. Но от этого стало ещё страшнее.

Мои соседи также вскочили вслед за мной и спросонья вертели головами, ничего не понимая.

– Vivoldi imi (окружаем их)!

Незнакомый язык, как ушат ледяной воды, заставил меня действовать: я сорвалась с места в сторону палатки, где спала бабушка. В руку удобно легла рукоять боккена и я приготовилась защищать наши жизни до последнего вздоха.

Глава 5 Мамонты

Лагерь мы разбили в форме овала, по центру расположили пять больших костров (практически потухшие), а по периметру установили десять палаток. Самая большая, в которой почивали "руководители", стояла в противоположной от меня стороне.

Я встала у задней стенки палатки и, судорожно сжимая рукоять деревянной катаны, крутила головой: окружали нас толково. Их было очень много. А ещё я видела, чуть дальше за снежной предрассветной дымкой, огромные силуэты кого-то... и чувствовала их злость, жажду нас растоптать, съесть.

Хотелось бросить боккен, сжать голову руками и перекрыть чужие эмоции. Вдохнула-выдохнула, входя в состояние медитации. Сердце замедлило бег и мир окрасился иными цветами.

"Агрх! Видика!" – ворвались в мою голову чужие тяжёлые мысли.

Я чуть не взвыла. Скрипнула зубами и ушла полностью в себя. А когда очнулась в голове было пусто, и никто не "облизывал" мои мозги. Гадость! Кажется, я схожу с ума. Этот мир сводит меня с ума.

За время моего "отсутствия" неизвестные подошли к лагерю вплотную и замерли. Вот я дурная, нашла время медитировать. Меня в любой момент могли порезать на сотни мелких кусочков. Дала себе зарок больше так не делать, если подобное повторится. Буду терпеть до последнего.

Никто из незнакомцев не двигался, а я смотрела на них и чувствовала, как приоткрывается рот в немом изумлении.

Одеты они были в шубы из какого-то меха разных цветов, сшитые лоскутами друг с другом. Никакого общего фасона, всё вразнобой, но добротно – такое прослужит своему хозяину очень долго. Шапки на головах из тех же лоскутов и лица... Обычные человеческие лица перемежались с уродливыми клыкастыми мордами, да и ростом эти краснокожие были высоченного. Чуть мерцающие жёлтым глаза и общий грозный вид пугал.

– Орки, – изумлённо прозвучало рядом со мной. Сергей стоял неподалёку и судорожно сжимал в руках давешний камень, – только краснокожие какие-то.

Не успел он договорить, как до нас долетели многочисленные изумлённые крики людей с другого конца стоянки.

А секунду спустя я увидела тех, кто вызвал столь сильные эмоции у бывших соседей: два огромных мамонта неспешно вынули из тумана и встали позади этих странных людей (нелюдей) и грозно взревели.

Мохнатая, свалывшаяся шерсть свисала чуть не до земли. Бивни животных были такой устрашающей длины, что даже мне становилось не по себе от одной только мысли, что эти боевые древние слоны могли на них безжалостно кого-нибудь насадить и порвать на части. Брр!

Я подняла боккен в боевую позицию, готовая сражаться.

– Внучка! – воскликнула бабушка, вышедшая из палатки. Я бросила на неё мимолётный взгляд и шикнула:

– Бабушка, ну-ка, не высовывайся. Сидите там тихо!

Баба Надя резко замолчала и скрылась в недрах хлипкого сооружения. Слабая защита. Вообще никакая. Но так мне было немного спокойнее.

Один из окруживших нас местных жителей, выступил вперёд и откинул капюшон. Свет раннего утра позволил разглядеть полностью седого старика с голубыми прозрачными глазами. Он произнёс очень громко, на языке смутно знакомом, но всё равно для меня совершенно непонятном:

– Vakumi! – крикнул он нам и показал жестом, чтобы мы опустили оружие, – dauvni varani!

– Он говорит сложить оружие! – послышался крик, и я узнала в нём голос Арнольда Акакиевича.

Ну у него и лужёная глотка! Жить захочешь, наверное, еще и не так заверещишь. А его слова были излишними, я прекрасно поняла, чего от нас хотел старик. Уж очень красноречиво он изобразил своё требование.

Резко выдохнув, опустил руку, но класть на землю боккен не стала. Посмотрим, что будет дальше.

В голове метались сотни вариантов развития событий. И во всех из них я бесславно погибала. Умирать, что-то не хотелось. Может, всё же, эти люди не желают нам зла? Время покажет. А сейчас я жалела, что зарыла пистолет в землю.

– Vini mi?

Качая головой, вперёд вышел Виктор.

– Мы вас не понимаем. Do you speak English? Sie sprechen Deutsch? Parlez-vous français? – я высоко подняла брови – юрист оказался полиглотом? Вот уж не ожидала.

– Im vini ui, – покачал головой незнакомец и поманил Виктора к себе. Тот колебался секунду, но сделал шаг вперёд. Потом ещё. Я даже его немного зауважала: в смелости ему не откажешь.

Седой отцепил ножны от пояса и нарисовал что-то на рыхлом снегу, со своего места я не видела, что именно. Любопытно было очень.

Ожидание не продлилось долго. Виктор кивнул соглашаясь с чем-то, и вернулся к нам.

– Друзья! – крикнул он, – собираем вещи, эти добрые люди проводят нас до ближайшего поселения. Только просят сдать всё оружие им. Пообещали вернуть, как доберёмся до места.

Так я и поверила. Ага. Вернут. Два раза.

Оружие у нас было самое обычное из возможных, но в умелых руках и оно представляло нешуточную опасность. Кухонные ножи, тесаки, острые ножницы для разделки мяса. Топоры, пилы, молотки. Даже у кого-то была цельнометаллическая штыковая лопата. Всё это добро небрежно сложили в одну из волокуш и подтащили к старику.

С оружием в руках осталась стоять я одна, Серёжа не в счёт – он просто кинул камень под ноги и отряхнул руки.

А я думала... Сопротивляться одной против такого количества людей и нелюдей? Мамонтов? Я же не сумасшедшая. Ну, может, совсем капельку. Но... не сегодня. Поэтому я уверенно подошла к седому и протянула ему свой боккен. Со всем уважением к своему верному деревянному оружию. Жаль, что так и не решилась оковать края железом и заточить до бритвенной остроты.

Мужчина сильно удивился, но оружие взял. В его взгляде мелькнуло что-то, но я не стала вглядываться и, повернувшись к нему спиной, отправилась к палатке. Нужно собирать вещи.

Нам никто не мешал и не торопил. Люди паковались судорожно, рывками. Слышались опасливые шепотки и детский плач. Малышня боялась мамонтов и краснокожих орков-великанов.

В путь тронулись через час. Нас окружали эти странные люди, на одном из мамонтов ехал давешний седой старик, на другом орк с длинными нижними клыками и злым жёстким взглядом. Все остальные аборигены также топали пешком, как и мы.

Верная своему слову, я усадила стариков на три волокуши, в одни впряглись мы с Сергеем, во вторые Степан с Лизой, в третьи Антон с Омаром. Таким макаром и пошли.

– Аня, – проговорила бабуля, что решила идти рядом, а не сидеть с другими пенсионерами, – кто они? Среди обычных людей страхолюдины такие, что меня чуть кондратий не хватил!

– Баба Надя, я знаю столько же, сколько и вы. Язык у них совершенно мне незнаком. Одеты они странно. Орки эти ввели меня в такой же шок, как и вас. Будьте ближе ко мне. Ни на шаг от меня не отходите. Куда я – туда и вы. Вас это тоже касается, – оглянулась я на свою группу. Говорила я громко, чтобы слышали все "мои" (враги всё равно ничего не поймут, поэтому шептаться не было смысла). Я уже считала этих людей своими и всерьёз была намерена защищать новых знакомых. И десяток стариков, сидевших среди тюков. Ребята понятливо кивнули и дальше мы продолжили путь молча, но тишина продлилась недолго.

– Аня, – обратился ко мне Серёжа, пыхтевший рядом, – как думаешь, они доведут нас до населённого пункта и пожелают счастливо оставаться?

– А сам, как думаешь? – задала я встречный вопрос.

– Думается мне, что херня будет, – хмыкнул парень, – я их рожи оглядел. Зверские, как в фильмах про зеков. Мы им на один зуб. Не понимаю только, почему они нас сразу не прикончили?

Я поправила шарф и всё же решила ответить:

– Это очень интересный вопрос. Очень.

Шли мы без остановок, нас гнали, как скот. На ходу пили воду и грызли сухой паёк. А к ночи мы вышли на взгорок, с высоты которого нашему взору открылась ошеломляющая картина: большой город светился миллионами огней.

Глава 6 Рабы нового мира

Любовались на город мы не очень долго. Старик, что сидел на одном из мамонтов и, как я поняла, был самым главным среди аборигенов, махнул рукой вперёд, и его зверь тронулся с места.

А я чувствовала за созданной в своей голове тонкой перегородкой, как ко мне рвутся чьи-то нечеловеческие мысли. Стискивала зубы и сопротивлялась изо всех сил. Даже кровь выступила из носа.

– Что с тобой? – тревожно спросил Сергей, всё также шедший рядом и тянувший волокуши наравне со мной. – У тебя кровь из носа капает.

– Мне что-то не очень хорошо, – прошептала я, достала из кармана платок, разорвала надвое и, сделав подобие тампона, вставила в каждую ноздрю.

– Ты с этими "пробками" в носу задохнёшься, – покачал головой помощник. – Я сам дальше потащу. Справлюсь. А ты передохни.

Благодарно кивнув, скинула верёвки с плеч. Прикрыла веки и задышала размереннее. Единение тела, духа и природы. Ветер перестал свистеть в ушах. Снегопад замедлился. Мир стал ярче и чуть резче. Голоса и жуткие картины исчезли окончательно. Сделав в этом состоянии сотню шагов, убедилась, что всё закончилось.

Догнала Серёжку и снова впряглась. Парень облегчённо выдохнул: всё же одному тащить такой груз, даже имея дармовую силушку, оказалось просто.

– Стало легче?

– Да, отпустило. Мне кажется, что я схожу с ума, – я всё же решила поделиться своими ощущениями, – в моей голове куча картинок, злых голосов, и они идут от них, – кивнула в сторону мамонтов, что уже прилично нас обогнали и давно спустились со взгорка на равнину.

– И что же они тебе говорят? – полюбопытствовал парень. Его глаза сверкнули восторгом, и я хмыкнула.

– Серёжка, ты точно фантазёр. А говорят они мне одно и то же "Ассаи Видика! Ассаи Видика!" шлют непонятные картинки разных битв с кровью и кишками. Какой-то страшный бред! – воскликнула я, – если бы я не умела защищаться от негативной энергетики, то моя крыша давно бы уже съехала, помахав на прощанье ручкой.

– Аня, а вдруг ты можешь с ними и правда общаться? Вдруг у тебя в этом мире прорезался самый настоящий дар наездника на животных? Или шамана? Я как-то играл в такую компьютерную игру, весело было. Потом всё сочинял, что когда-нибудь стану повелителем чудовищ.

– Сказочник ты, сосед, – покачала я головой. – Мне, наверное, всё это мерещится. Голоса эти. Кровавые образы. Перенервничала, не иначе.

Мы телепались в самом конце колонны и поэтому к спуску со взгорка подошли одними из последних. Склон оказался пологим и затруднений у нас не вызвал, но старикам всё же пришлось слезть с волокуш и пройти пешком.

И мы пошли в сторону городских огней, каждый лелея надежду на лучшее будущее.

Я шагала и чувствовала какую-то неправильность. Земля. Что-то с ней было не так.

– Сергей. Стой! Все стойте! – окликнула я соседние пары. Друзья тут же затормозили и уставились на меня с немим вопросом на лицах. Идущие чуть в стороне местные не стали раздражаться и также остановились, бросая на нас косые взгляды.

А я присела на корточки и взрыхлила снег. Потом и вовсе опустила на колени и усиленно заработала руками. На помощь мне пришли ребята и через несколько минут пыхтенья, такой-то матери, нам открылась впечатляющая картина: лёд.

– Как так? – воскликнул Омар и, пройдя несколько метров в сторону снова начал откидывать пласты снега.

– Здесь тоже лёд!

Вся эта равнина – сплошной пласт льда. Озеро или что это.

– Город стоит на замёрзшей воде? – удивлённо протянула Екатерина.

– А как же лето? Когда всё тает? – чесал макушку Антон, – это ведь неправильно с точки зрения законов природы.

– Simi idi! – вдруг крикнул один из краснокожих орков и ткнул толстым пальцем в сторону города.

– Кажется, он говорит нам продолжать путь, – сказала я ребятам, – пойдёмте. Разберёмся со временем.

Шли долго. А когда ступили на освещённое высоким столбом пространство, поняли – земля. Шли по обледенелой воде, а здесь обычная почва.

– Чудеса, – пробормотала Катя, почему-то оказавшаяся рядом со мной, – этот город окружён мёрзлой водой? Ничего не понимаю.

Как и я.

– Всё страньше и страньше! Всё чудесатее и чудесатее! Всё любопытственнее и любопытственнее! Всё страннее и страннее! Всё чудесится и чудесится! – процитировала Катерина и замолчала, потому что колонна не пошла в город, а начала его огигать по периметру.

– Почему мы не идём туда? – обратилась я к ближайшему аборигену и ткнула пальцем на центральную, ярко освещённую огнями, улицу.

Тот явно меня понял, но покачал головой показывая куда-то в сторону,

– Simi idi sa Mammuta Assai! – про мамонта мне сразу стало понятно, это слово ни с чем не спутать. Тиски сжали сердце ещё сильнее. Но я пошла, куда показали. Если бы была одна, то плюнула бы на всё и попробовала сбежать. А так... Только подчиниться и надеяться на лучшее.

Проходя мимо крайних сараюшек-бараков, иначе назвать эти строения язык не поворачивался, я внимательно осмотрела лампочки, что висели на толстых проводах. Все разной формы с мутным стеклом. Поэтому свет не был ярким, а сильно приглушённым. И каким-то "бедным", блёкло-жёлтым, иногда свечение гасло, потом разгоралось снова. Словно генератор не тянул.

– У них лампочки все разноразмерные, кривые какие-то, и ещё что-то со станцией, свет часто "моргает", – бормотал Сергей, также, как и я оглядывая странности первого города, который мы видим в этом мире. – Домишки хлипкие, как картонные. Страшные.

Парень продолжал бубнить, а я всё сильнее хмурилась. По первому впечатлению: был апокалипсис и сейчас люди живут на его руинах, откатившись в развитии на сотню лет назад. Станные мысли.

Шли долго, всё же город был большим. Некоторые кварталы вообще стояли в полной тьме, даже в окнах не было видно света. Вой и свист ветра между зданиями нагонял на нас волну жути, старики сидели крепко обнявшись друг с другом. Дети молчали.

Через час неспешного хода мы свернули на одну из улиц и в самом конце её я увидела много огней, а чуть позже разглядела мощные деревянные ворота, окованные полосами луженого железа.

Мамонты уже скрылись за ними. Наши земляки, шедшие впереди, нырнули следом.

И мы дотащились до этих монструозных врат, толщиной в два моих тела.

Двор был огромен. Территория много больше футбольного поля, огороженная высоченным забором. В центре стоял замок. Сложенный из черного камня, он мрачной монолитной глыбой давил на меня и моих друзей. И даже свет в многочисленных бойницах не развеивал образ застывшего на века чудовища. А, наоборот, только усиливал гнетущее состояние.

– Охренеть! – вырвалось у Степана. Лиза шикнула на брата, укоризненно качая головой. – Не шикай, я серьёзно говорю – это какой-то чокнутый архитектор строил. Жуть. Месиво из камней и никакой системности. Гадость. Но чего у здания не отнять, так это его мрачности. Если безумец хотел добиться именно этого эффекта, то у него получилось на все сто.

Договорить Степану не дали. Послышались крики, и центральная дверь замка распахнулась.

Нашу толпу повели внутрь, подгоняя грозными рыками, тыча короткими кинжалами. Вещи пришлось оставить.

Заходили в здание гурьбой: нас сжали в плотную массу и грубо толкали вперёд, если хоть кто-то из землян тормозил.

Мы попали в большой хорошо освещённый зал, на полу лежала грязная, свалывшаяся сухая трава, от которой дурно пахло. По центру шла каменная широкая лестница. И по ней спускался мощный под два метра, мужчина. Обычный человек, не орк.

– Внученька, это чего деется-то? Нас же, вроде как, обещали довести до города, и отпустить? – горячо зашептала бабушка прямо мне в ухо.

– Баба Надя, тише, не привлекай к нам внимание, – ответила я ей, как можно тише, – не то и тебя ткнут чем-нибудь.

Бабушка тут же замолчала и крепче сжала мою руку.

– *Mi immi Assai Vedok Aroko*, – спустившись с лестницы громко сказал человек, так властно, словно мы тут же должны были свалиться на колени и целовать его, прямо скажем, грязноватые сапоги.

Тут к нему подошёл давешний седой старик и что-то быстро ему сказал. Этот Ведок-или-как-его-там важно кивнул.

– *Mi yazik vese Assana. Vi yazik?* – заговорил седой, обращаясь к Виктору и ткнул узловатым пальцем себе в рот. Ясно, спрашивает на каком языке мы говорим.

– Русский, – чётко ответил Витя и замолчал, ожидая, что ему ещё скажут. На это старик лишь кивнул и что-то крикнул вглубь холла. И замолчал. Ведок тоже молчал. И мы молчали. Великану принесли роскошный резной стул, старику чуть попроще, и они вольготно на них расселись. Нам присесть никто не предложил.

Через четверть часа мы услышали громкий скрип распахнувшейся где-то в глубине залы двери. Потом быстрые шаги и у подножия лестницы замер презабавный человечек.

Гном.

Поперёк себя шире, с длинной светлой бородой со множеством тонких косичек.

– *Rusi*, – небрежно качнул ногой старый, много о себе возмнивший, пердун, и прикрыл веки, наблюдая за нами через щёлочку.

– Я гаварить руски, – ужасно коверкая слова, заговорил гном, – переда вами павилителя Ассаи Ведок Ароко. Наш хасяин! Ега слушать теперя всегда! Рядом с ним опытная воин Сомо Айхи, его тожа слушаца. Кта у вас главныя?

Вперёд вышли наши трое "предводителей", я чуть зубами не скрипнула от досады и, шепнув бабуле пару слов, вышла в первые ряды и гордо подняла голову.

Бывшие земляки вскинули удивлённо брови, но промолчали.

– Халасо, – снова заговорил гном, – слусай мене вниматильна! Вы теперича – раба! – от этих слов несколько женщин вскрикнули и пошатнулись, народ начал роптать, всё увеличивая тональность. Но рык Сомы Айхи заставил резко всех заткнуться.

– Вы четвира, делите свай нарот так: женщина атдельна, мужика атдельна, детя атдельна. Панятно? Выпалняй!

И скрестил руки на груди. Мелкий гадёныш, доберусь я до тебя!

Меня всю трясло от осознания той жопы, в которую мы угодили.

Тут одна из женщин не выдержала и рванула к дверям. Её быстро перехватили и ревущую подтащили к подножию лестницы. Сомы Айхи медленно поднялся, показательно поднял руку и звонко, наотмашь, ударил девушку по лицу. У той голова откинулась назад, а сама она кулем рухнула на грязный пол. А я, наконец, вынырнула из ступора и начала действовать, не задумываясь о последствиях.

Сделала шаг вперёд, загоразивая бедняжку.

Рука старика уже летела в мою сторону, чтобы наказать за заступничество.

Но я ведь не пальцем деланная. Схватив его за запястье, крутнула конечность мужика назад, разворачивая его вокруг своей оси и со всей силы пнула седого по задку. Улетел он далеко.

Шмяк!

Стена прекрасный тормоз для всяких гадских морд.

– Не подходи! Убью! – прорычала я, выхватывая из-за голенища кинжал и встречаясь взглядом со спокойно сидящим Ароко.

Глава 7 Будни раба

Этот Ароко-ведок смотрел мне в глаза очень пристально. Пронзительно. А потом заговорил, не отрывая от меня своих болотно-зелёных глаз. Обращался он явно к гному, потому что тот начал переводить.

– Ты ударила одново ис самих сильних ваинаф нашево Прафителя. Накасть тиби нада. Но Виликий Ассаи Ведок Ароко севодня добрыя. Делай, шта скасли. Делись: мужик атдельна, баба атдельна, дити атдельна. Быстра-быстра! А ношик атадай.

Я сглотнула. Со всей этой ордой мне всё равно не справиться. Знала, что стоит этому амбалу отдать приказ и меня мгновенно скрутят. Задавят числом. Кивнув, протянула кинжал Ароко. Тот спокойно его взял и заинтересовано начал изучать.

Мне не понравилось, как он деловито рассматривал МОЁ оружие. Каким алчным блеском налились его глаза. Резко от него отвернувшись, поспешила помочь девушке, что тихо постанывала, лёжа на вонючем полу, не удивлюсь, если у них тут полный набор кровососущих собрался. Передав молодую женщину бабушке, присоединилась к троице "руководителей", которые не очень-то и вежливо пихали людей, распределяя их по половому признаку.

Краем глаза заметила, как старика Сому-важного-воина подняли и куда-то понесли. Хмыкнула. Поделом. Вот уж не думала, что во мне столько силы.

– Шевелись! – прикрикнул гном. Я скрипнула зубами, мелкий гадёныш. Ему не хватало плётки, чтобы точно походить на надсмотрщика за рабами.

Три группы: женщины, во главе со мной, мужчины, во главе с Виктором, дети – сбились в неравномерные кучки. Вперёд от деток вышел тощий паренёк лет тринадцати и смело выпятил грудь. Не знаю, как его зовут. Но, кажись, вскорости со всеми познакомлюсь.

Земляки молчали, настороженно следя за стражниками и бросая косые взгляды на главаря великана. Ароко-как-его-там довольно кивал, развалившись в своём кресле.

Пока мы делили народ, в зал вошли трое. Две женщины и один мужчина. Обычные люди. Все были одеты в мешковатые рубахи и штаны серого цвета, из грубой шерстяной ткани. На ногах чуни мехом наружу. Стояли, склонив голову, руки держали сложенными на животе. Очень впечатлил их покорный вид.

– Итак! – воскликнул гном, – женщина идут с ней – Алиска. Мужик идёт с ним – Монока. Дитя идите с Ланишка. Но! Снашала ваше злато мы забрать.

Означенные трое, каждый в сопровождении двух стражников, направились к нам и приступили к методичному обыску и изъятию всех предметов: золотые украшения у женщин, часы, помады, шоколадки, зеркальца – всю мелочь, что в своих карманах хранили земляне. Вслух возмущаться не посмел никто, отдавали со слезами на глазах и после стояли заламывали руки.

Ко мне тоже подошли. Я спокойно позволила снять с пальцев своё колечко, которое осталось от мамы. Серьги её же. А вот в карманах, кроме протеиновых батончиков, больше ничего и не было. Алиска удивилась такому их количеству, я заметила, как приподнялись её брови, а она всё тащила и тащила сладости, ссыпая их в подставленную корзину.

А украшения мамы я верну. Чего бы мне это ни стоило.

– Стой! – выкрикнула я, заметив, как гном откланялся и наострился удалиться, – у меня есть вопросы!

Получив разрешение от Ароко, гном повернулся ко мне, скорчил нетерпеливую рожу и кивнул.

– Скажи, Гном, каковы наши обязанности в этом месте? Как нас будут кормить, в каких условиях содержать? И можно ли будет выкупиться?

– Я ни гном! – обиженно фыркнул мужичок, – я гнарк! Мини завут Оло. Мыть полы, трава новая стели на пол, стены чистить, камины, жрать готовить бушь. Скотский двор гавна убирать. Еда за работу давать будут. Как сделаешь усё, что приказано, так дадут пожрать. Не сделаишь, голодные бушь. Панятно? Если такой работа не панравица тебе есть выбор: хозяйский кравать женщина спать! Тада им работа простая будит, только за комнатай следить, да воина ублащать. Мужика такой выбор нет!

Опа-на. А вот это интересно.

– То есть насилловать женщин никто не будет?

– Никаво насильничить низя! Наша вера такого не позволять! По добрый воля усё! – и до того гаденько улыбнулся, что я сразу поняла – нас загонят в такие условия, что женщины сами прыгнут им в постель. Гады.

– А дети?

– Дити тожа работать будут, как и вы вся.

Тут встал Ароко-нос-картошкой, рыкнув что-то гному, неспешно стал подниматься по лестнице. Прихватив три кулёчка с нашим золотом. Я поставила галочку, запоминая важные детали.

Не знаю, что на моём лице прочитала Алиска, стоявшая рядом со мной, но девушка сделала опасливый шаг в сторону, и только тогда махнула нам рукой. После чего повернулась к нам спиной и поспешила вглубь залы.

На последний вопрос я так и не получила ответа.

Мужчины уже удалялись в противоположную сторону.

Детей повели с нами.

За дверью оказался широкий коридор, расходящийся в две стороны с небольшим количеством тускло светящихся лампочек.

Женщины пошли налево, детей повели направо. Перед расставанием матери обняли своих кровиночек, кто-то откровенно ревел. Но делать нечего, грозно скалящиеся стражники орки не оставляли сомнений: если прощание затянется – мало никому не покажется.

Коридор закончился быстро. На нас была верхняя одежда и было тепло. Но вскорости мне предстояло на собственной шкуре убедиться, насколько в замке холодно.

Мы вышли в залу в два раза меньше главного холла. По кругу располагались узкие деревянные двери с круглыми металлическими ручками по центру. Помещение было пустым и стояла тревожная тишина, изредка нарушаемая чьим-то приглушённым кашлем и тихими всхлипами.

"Конвоирша" подошла к первой двери от основного хода и толкнула чуть скрипнувшую дверь. Повела ладонью, и мы один за другим втянулись внутрь.

Я вошла первой и осмотрелась: помещение было очень большим, вдоль стен тянулись двухъярусные кровати, а точнее узкие лежанки, на каждую из них был небрежно кинут тощий грязный мешок, на полу всё то же сено, узкая бойница под самым потолком и тускло мерцающая, часто моргающая лампочка – всё это навело на меня такую тоску, что выть захотелось. Стоял стойкий специфический запах говна и протухшей еды.

– Висими ожу, – сказала девушка по имени Алиска. И показала жестами, что нужно раздеться. Сама же выволокла из дальнего угла комнаты два объёмных мешка. В одном из них оказались рубахи из грубой шерсти, прилично поношенные, застиранные, гораздо хуже качеством, чем на Алиске, в другом штаны, – сонда шусты, – и ткнула на ранее незамеченный мною сундук за дверью. Я подошла и откинула с него крышку. Внутри оказались чуни.

Женщины переодевались молча. Мы все достаточно свободно разместились в выделенном нам пространстве. И, не мешая друг другу, принялись переодеваться.

Во втором "отряде" землян нас было шестьдесят восемь человек: двенадцать детей разных возрастов, десять стариков (из которых шесть пенсионеров), двадцать мужчин и двадцать шесть женщин.

Я всех скрупулёзно сосчитала и постаралась запомнить их лица.

– Внучка, – дёрнула меня за рукав бабушка, – исподнее тоже снимать?

– Нет, – ответила я, кажется немного резче, чем следовало, после чего мягче добавила, – пусть только попробуют отнять.

Говорила я громко, все прекрасно меня слышали и также оставили нижнее бельё на себе. На что Алиска даже не обратила внимания: она увлечённо разглядывала пуховики, шубы, сапоги, модные валенки, перчатки и шапки, тихо что-то приговаривая. Стражник стоял в узком дверном проёме и отвечал ей, при этом оглядывая полуголых женщин жадным похотливым взглядом. Но попыток приблизиться не делал.

Катя, Лиза находились рядом со мной. И побитая девушка тоже не отходила от меня ни на шаг.

– Как тебя зовут? – обратилась я к ней.

– Моника, – несколько гнусаво ответили мне.

– Какое красивое имя, – погладила её по руке бабушка Надя и добавила, – кажись, у тебя нос свёрнут. Девоньки, среди вас нет, случайно, врача?

– Я врач, – через секунду тишины вперёд вышла чуть полноватая шатенка, – стоматолог, – улыбнулась она.

– Охохонюшки, – покачала головой бабушка, – а нос пострадавшей поправить сможешь?

– Не смогу, – покачала головой женщина, – я вообще только по зубам.

Пока они болтали, я развернула побитую к себе лицом и приказала:

– Делаете вдох и на счёт три резко выдыхаете, смотри в потолок. Поняла?

Девушка, при ближайшем рассмотрении, оказалась не старше двадцати пяти – двадцати семи лет. В больших синих глазах плескались страх и боль.

– Не паникуй. Вдох.

Не успела девушка сосредоточить взгляд на лампочке, как я одним резким движением выправила хрящ. Моника даже вскрикнула с небольшим опозданием.

– Не кричи, всё уже на месте, – буркнула я, и повернулась к Алиске, которая закончила паковать наши вещи в освободившиеся мешки. Всё не влезло, и охранник притащил ей ещё несколько.

Мы стояли и смотрели. Что-то спрашивать смысла не было: всё равно не поймёт.

Прежде, чем оставить нас одних, Алиска прошла в противоположный конец помещения и ткнула пальцем в угол.

– Писс хере, – интересненько. Я направилась в её сторону и по мере приближения странный запах всё усиливался. Дойдя до Алиски, увидела большое деревянное ведро, которое даже из центральной части комнаты не было видно – сюда не дотягивался тусклый свет единственной лампочки.

– Писс хере, – повторила "конвоирша", и направилась на выход.

Я подошла ещё ближе к подозрительной ёмкости. Зря я это сделала: от ударившего в нос смрада меня чуть не вырвало на заношенные чуни.

Отбежав от ведра, как можно дальше, невнятно сказала:

– По нужде будете ходить туда. Но лично я, вот хоть убейте, этого делать не буду.

– Алиска, – крикнула девушке, которая уже практически вышла за дверь, волоча за собой один из мешков, – стой!

Интерлюдия

– Ты уверен, что она Ассаи Видика? – спросил Ведок Ароко, повелитель клана Северных Мамутов.

– Уверен, – кивнул Ведок Сомы Айхи, – мне мой Гук Ассаи сказал. Говорит, сильная настолько, что смогла закрыться от их напора.

Ведок Ароко потёр тяжёлый квадратный подбородок.

– Если бы не наша религия (вера), всех женщин можно было бы сразу раздать заслуженным воинам. Сочные, молодые, крепкие, понесли бы тут же. Нужно увеличить численность нашего рода. Клан Золотых птиц потребно истребить до последнего члена. Как же я их ненавижу!

Ароко стукнул по тяжелому дубовому столу так, что тот пошёл трещинами.

– Нужно довести Видику до предела, чтобы она приползла ко мне просить пощады. Обессиленная, уставшая от работы. Добровольно. Никаких телесных наказаний, тело её должно быть целым, понял? Только прошедшая через душевные страдания Всадница Ассаи, сможет зачать одарённого ребёнка. Или через большую любовь. Но ты этот шанс на корню зарубил, ударив ту девку. Эта Видика теперь не полюбит меня. Остаётся первый вариант. Мне нужен сильный наследник. Мне нужна эта иномирная Видика.

Сомы важно покивал и отчитался:

– Оружие у них из отменной стали. Теперь у нас ещё больше шансов раз и навсегда избавиться от Клана Золотых птиц.

Глава 8 Пленница

Спать в таких условиях мне не хотелось категорически. Они (условия) и так были жутким, а ещё и воздух смрадный терпеть – нет уж, увольте. На жёсткость лежанки я повлиять пока была не в состоянии. А вот убрать вонючий угол, было в моих силах.

С Алиской мы договорились быстро. Она пошла мне навстречу, не знаю почему, но девушка решила нам помочь: показала, где брать чистую воду (в противоположном от "унитаза" углу на уровне глаз среднего роста женщины, торчала небольшая металлическая труба, плотно закрытая необычной пробкой, сделанной из материала очень похожего на резину, только намного плотнее), выдала два ведра, мыло, щётки, выдавшие виды тряпки, предупредила о раннем подъёме и, в сопровождении стражника, вышла в дверь, через которую мы попали в этот холл с комнатами. После чего я отчётливо услышала, как в замочной скважине провернулся ключ.

Прежде чем взяться за уборку отхожего места, мы скинули тюфяки на пол, поднявшийся ворох пыли и залежавшейся травы заставил меня содрогнуться от одной лишь мысли, что кроме грязи в этом мешке может обитать малопрятная живность, наподобие клопов или вошечек. Держась за уголки мешков, мы отволокли их в другой угол.

– Девушки, – обратилась я ко всем одновременно, – так как справлять естественные потребности нужно всем, предлагаю разделиться на несколько групп и, сменяя друг друга, быстро отдраить это отхожее место. Никто не против?

– А чего это ты тут раскомандовалась? – вышла вперёд женщина-стоматолог, как там её зовут? А, да, Полина.

– Я не командую, – фыркнула в ответ, – предлагаю.

– Ну, так вот, – повела пухленькими плечиками шатенка, – мараť свои руки и дышать этим застарелым говном я отказываюсь. Вы уж как-нибудь без меня там разберитесь. Я в вас верю.

Я скрипнула зубами. К ней присоединилось большинство женщин-белоручек.

– Хорошо, – улыбнулась я им. Но предупреждаю: справлять нужду будете в другом месте. И не в этом помещении. Иначе... Всё ясно?

Я зло оскалилась. Не позволю, чтобы на мне ездили и пользовались результатами моего труда.

Шатенка пренебрежительно фыркнула и отвернулась, занявшись своей "кроватью". Кажется, она не поверила моей угрозе. Ну-ну, посмотрим, как Полина запоёт утром.

– Дайте нам потом вёдра, лежанки помыть, – добавила другая женщина, лет тридцати пяти, жгучая брюнетка, с грустными огромными глазами и искусственно надутыми губами.

– Не дам, – громко ответила я, – просите у Алиски. С ней договаривайтесь, а мне некогда.

После чего пошла осматривать фронт работ. Ведро было грязным, мягко говоря. Стена позади него, тоже «поражала воображение».

Ведро оказалось сквозным. Вот так вот. Заглянув в него, вместо дна я увидела дырку. Небольшую, с ровными краями. Под полом бежала вода, тонкий ручеёк странно поблёскивал и был совершенно бесшумным. Странно. Удивительно.

Но долго вглядываться я не стала, не дышать столько времени, даже мне было сложно.

Отойдя от отхожего места, резко выдохнула, выгоняя из тела смрадный дух, и подошла к трубе в стене: нужно было набрать воды. Странная крышка-затычка отвинчивалась не до конца, позволяя тонкому ручейку стекать в подставленное снизу корыто.

Я с опаской поднесла сложенные лодочкой ладони к текущей воде. Набрала немного. Принюхалась. Вроде ничем непонятно-неприятным не пахнет (очень не хотелось думать, что

эта вода может содержать в себе отходы жизнедеятельности жителей замка). Осторожно пригубила. Мои опасения развеялись после первого же глотка. Чистейшая, до ломоты в зубах, вкусная вода. Я даже зажмурилась от удовольствия.

Набрав воды в вёдра, в первую очередь прошлись влажными тряпками по доскам наших «кроватей».

Бабушек отправили спать, убрав их кровати одними из первых. Бедные пожилые женщины плакали и хватали нас за руки. Мы, как могли, старались их успокоить, но у нас не очень хорошо получалось.

Остальные, кто отказался работать, молча на нас смотрели.

Закончив с лежанками, наша группа золушек, обмотав выданными рубахами лица (да, мы остались полуодетыми), вооружившись щётками и тряпками, направилась к «унитазу».

Я с остервенением натирала пол около отхожего ведра полулысой щёткой, и строила планы мести всем, кто загнал нас в такие условия. Рядом стояли ведро с водой и маленький таз с серой жижей, называемой здесь мыко. Я так поняла, что эта субстанция заменяла местным мыло. Оно воняло, но мылилось.

Тут же трудились Катерина, Лиза, Моника и ещё три женщины: Соня, Наталья и Варя.

Периодически некоторые из нас отбегали в центр комнаты и судорожно дышали, согнувшись пополам или прислонившись к прохладной стене лбом. Таким образом мы сдерживали рвотные позывы. Потому что мыть ещё и блевотину не хотелось никому из нас.

Мы спешили поскорее всё оттереть.

А ещё все были очень голодны. Алиска сказала, что еду дадут только после отработанного дня. По крайней мере, я именно так поняла её жесты и, думаю, что в своих догадках не сильно ошиблась. Придётся терпеть ночь и ещё день. Я выдержу, но вот бабушки? Вся надежда на сверхъестественные силы.

Скоблили, мыли, тёрли по ощущениям до трех-четырёх часов утра. Не будь у меня странных способностей, ни за что бы не справилась с такой непростой работой. Как и все остальные. После завалились, обессиленные на лежанки.

Подняли нас в пять утра. Казалось, только прикрыла веки, а меня тут же разбудили.

Стоматолог наострилась к отмытому "унитазу". И тут я преградила ей путь. Смотрела на неё, скрестив руки на груди.

– Фи! Очень нужен мне ваш горшок. Дайте хотя бы вон то ведро. Вам оно же уже не нужно? – кивнула она в сторону означенного предмета.

Я стояла и думала, как поступить. Но природная сострадательность взяла верх. И я-таки выдала ей то, что было в два раза меньше запрашиваемого: тазик, в котором вчера было мыло.

Возразить никто не посмел, скорее всего все помнили о моих способностях.

– Так оно же быстро наполнится! – воскликнула женщина.

Я вздохнула, делать нечего, предложу компромисс:

– Давайте так, мы вчера пол ночи пахали, чтобы привести тот угол в порядок. А теперь вы весь месяц этот порядок будете поддерживать. Если кто против, я поговорю с Алиской, чтобы вас от нас отселили в любую другую соседнюю комнату.

– Мы посоветуемся и потом скажем вам свой ответ, – пробормотала Полина. И я её могла понять: скорее всего они согласятся на моё условие. Здесь уже всё отмыто, а как в других помещениях – неизвестно. Хотелось гаденько захихикать, но я себя смогла сдержать. Просто кивнула и отвернулась. Нужно успеть умыться.

Сделав свои дела, мы вышли в общий холл. Соседние двери также были распахнуты настежь. Оттуда суетливо выходили другие женщины-рабыни, но в свете тусклой лампочки, разглядеть их более детально не получилось. Я насчитала около двадцати человек.

У входа в "загон для рабов", именно так про себя я обозвала это место, стояли два стражника-орка и между ними давешний гном-гнарк-Оло.

– Вы, – он ткнул пальцами только в нас, я посмотрела на «старых» обитателей этого места и заметила, что они уже сбились в компактные группки, – делись на два группа и своя группа выходи туды, – и ткнул пальцем себе за спину. Там стояло четверо девушек, и Алиска была одной из них.

Ко мне примкнули бабушки и девчонки, что пол ночи трудились рядом со мной.

Алиска поманила нашу группу к себе, и мы одними из первых вышли из "загона".

Пока спешно двигались по уже знакомому коридору, Алиска обратилась ко мне:

– Алиска, – и ткнула себя пальцем в грудь. Я понятиливо кивнула и ответила:

– Хок, – брови девушки поднялись чуть выше, но больше она ничего не сказала и, ускорив шаг, махнула нам рукой, чтобы мы поторапливались.

Вывели нас во вчерашний огромный зал. Алиска подвела нашу группу к огромной куче одежды. Приказав нам одеваться, отошла куда-то.

Натянув на себя безразмерное подобие дублёнки с капюшоном, оглядела «новую» одежду. Заношенное. Засаленное. Пахнущее прогорклым жиром. Подошла Алиска, одетая получше нас, оглядев нас, одобрительно кивнула, и посмешила на выход. Мы отправились следом.

Морозный воздух тут же взбодрил. Привёл меня в «рабочее» состояние, до этого момента спать хотелось невероятно. Солнечные лучи только-только начали окрашивать небо в приятные розовые тона, две луны ещё достаточно ярко светили и благодаря смешению трёх светил было достаточно светло.

Двор был полон людей и нелюдей. Все смотрели на высокий, сколоченный из грубо отёсанных досок, помост. А я вчера его не заметила. Да и некогда было вертеть головой по сторонам.

Наши дети обнаружили со вчерашней женщиной, жались друг к другу. Завидев матерей, громко заревели. Наталья, Варя и Соня рванули было к своим чадушкам, как и другие из нашей второй группы попаданок, но им не дали. Грозные рыки стражников не дали им сделать и двух шагов.

– Девушки, – покачала я головой, – вы хотите получить, как вчера Моника? Терпите. Я всё понимаю. Но терпите.

И повернулась к бабушке Наде. Бабуля стояла и кого-то выглядывала среди толпы. Я вздохнула и спросила:

– Неужели высматриваешь Арнольда Акакиевича?

Бабуля ещё раз пробежалась по толпе "ищущим" взглядом, и призналась:

– Да. Пойми, всё же я с ним много лет прожила бок о бок. Мне так жалко его. За то, что из палатки его вытолкала, тоже чувствую вину. Как он ночь провёл? – бабушка продолжала вздыхать. А я скрипнула зубами. Иногда люди в возрасте чрезмерно упёртые и будут стоять на своём до конца.

– Бабуля, – сказала я ей, – всё с ним в порядке, такие как он в опу без мыла залезут. Вот увидишь, жить он будет лучше нашего.

– Не настолько он плохой человек, – покачала головой бабуля, – за всю жизнь и пальцем меня не тронул. Если у него получится выбраться, то нас уж точно не забудет взять с собой.

Мне оставалось развести руками и поднять глаза к небу. Вот чего уж точно не случится.

Тут на помост поднялся Ароко-ведок-нос-картошкой и громко заговорил. Я не поняла ни слова, но красноречивые жесты мужчины мне о многом сказали.

После нескольких фраз он поклонился двум уходящим лунам, за ним повторили все остальные. Нам шикнули, и мы также переломились пополам.

А затем ведок запел. Голос у него был низкий, довольно приятный, и, что самое удивительное, он попадал в ноты. Я смотрела на это песнопение и религиозное возделывание рук и

думала, что что-то мне всё это напоминает. Точно! Секта. Мы попали в какую-то секту. Глаза окружающих меня аборигенов горели ярким фанатичным огнём.

Ароко закончил пение на высокой яростной ноте и крикнул что-то в толпу, народ одобрительно загудел.

И тут я заметила двух дюжих орков, что тащили за руки человека. Подняв его на помост, грубо толкнули пленного в спину. Он упал. Колени ударились о дощатый пол помоста с глухим стуком. И тут я поняла, что это женщина.

Я смотрела на всё это широко раскрытыми глазами, а в голове мелькали картины из виденных мною фильмов, в которых вот такие сектанты приносили в жертву невинную душу.

Девушка была одета совершенно иначе, чем остальные местные. Изящную тонкую фигурку облегал полушубок отличного качества из цельного тёмного меха. Голова непокрыта. Со своего места мне не было видно деталей, но вроде волосы у молодой женщины были заплетены во множество длинных косичек.

Ароко кивнул стоявшему позади пленницы воину, тот оскалился в довольной улыбке и приставил нож к шее девчонки.

А я сделала неосознанный шаг вперёд. Потом ещё один.

Бабушка схватила меня за руку и умоляюще зашептала:

– Анька, а ну стой! Не вмешивайся!

Глава 9 Работаем!

Мгновение!

И я стою у подножия помоста, готовая запрыгнуть на платформу. И тут замечаю, как орк перевернул клинок и, приподняв с шеи пленницы чёрный шнурок, просунул нож и срезал нить в одно движение.

Ароко перехватил верёвку и воздел кулак к небу, что-то прокричав. После чего девушку вздёргнули на ноги, резко сняли полушубок и надели на руки кандалы из приличного вида стали. После чего её спустили вниз и повели в противоположную от меня сторону.

Пленница была интересной, и почему-то очень грустной. Не знаю, но мне так "почувствовалось".

Тут меня кто-то вздёргнул за шиворот и поднял в воздух, разворачивая лицом к себе.

– Ишими ва, гил? – рыкнули в лицо смрадным духом.

Орк был огромен, широк в плечах настолько, что заслонил мне весь обзор. Глубоко посаженные глаза мерцали жёлтым, широкие "лохматые" тёмно-красные брови придавали облику свирепости, которой и без того было выше крыши. Нос с горбинкой и порванной ноздрёй, зажившей неправильно, внушал отвращение и стремление отвернуться. Левый клык доставал до середины щеки, а правый был обломан почти до основания.

– Пусти, – прохрипела я. Этот не человек был сильнее меня. Неизмеримо.

– Грас! – пренебрежительно фыркнул нелюдь, после чего небрежно разжал пальцы, и я полетела вниз. Приземлилась без проблем и, подталкиваемая в спину этим великаном, пошла к своим.

Жертвоприношения не будет. Можно выдохнуть и подумать о своём безрассудном поведении. Такими темпами я подставляю всех дорогих мне людей. А это недопустимо. Сама себя накажу. Сегодня три сотни отжимай перед сном. Будем мне уроком.

Бабушку я увидела первой. В её глазах стояли слёзы.

– Анюшка, – схватила меня за рукав родственница, – ты когда перестанешь лезть на рожон? Ты так туда помчалась, словно эта девушка тебе родная сестра. Окстись! Подумай о нас!

Я кивала, слушая причитания бабули и на автомате шла за Алиской. Девушка, что удивительно, не стала мне что-либо выговаривать. Спокойно посмотрела мне в глаза и поманила за собой.

Нас повели в главный зал. Здесь стоял Оло и нетерпеливо бил шерстяной шапкой по бедру.

– Твая имя? – спросил он меня.

– Хок, – ответила я и огляделась вокруг. В зале кроме нас никого больше не было.

– Ты главная этой группы?

– Да, – кивнула я и посмотрела на гнома.

– Здеся убирай всю грязь-трава. Выметай усё и кидай новый, свежай. Алиска тиби показать, гди брать. Паняла?

– Слушай, Оло, – обратила я к нему, – ты где выучил русский язык?

Гнарк выпятил бочкообразную грудь и важно произнёс:

– Мая предка прадеда был иномирянний. Как вы. Училь гаварить маво атца, атец мене. Он тожа была сначала раба. Патом сильна памагать Павилитель и избавился ат рабства, – и сказано последнее было так гордо, что я чуть не прыснула, достижение, ага. – Ладна, любишь ты балтать. Иди работай! Как вся сделать – кормить будут. Жрать хочешь? Да?

Вот мелкий гад! Мерзко хихикая этот недо гном куда-то поспешил. Наверняка, раздавать поручения другим иномирцам-рабам.

– Ай, да! – вдруг притормозил Оло и обернулся ко мне, – как работа кончаться падумай, кта ис вас вкуусно готовить уметь? На кухню повариха нада. Три штука. Хааарошая места, ммм, – мужичок мечтательно закатил глаза и добавил, – атличная места. Падумай. – И быстро свалил по своим делам.

А что тут думать. На кухню отправлю бабушку Надю и других бабулек, кто умеет вкусно готовить. И расторопен.

Нам выдали мётлы, деревянные совки и что-то наподобие грабель, только полностью деревянных, но с такими редкими зубьями, что проще их было выкинуть.

Сволочи эти аборигены с их правителем во главе!

Именно нас ждали, чтобы собрать эту вониючую, кажется, век не менянную, траву?

Я, тихо матерясь, сгребала сено в аккуратные кучки, которые потом забирали Катя с Лизой и выносили куда-то на улицу. В сухой растительности жили мыши. Размером с мой кулак. Нужно отдать должное всем членом моей группы: никто не завизжал. Охи и ахи слышались периодически, но истерить никто не стал.

– Здесь клопы размером с ноготь большого пальца, – жалобно проговорила Наталья и добавила, – а представляете, если бы нас, как рабов из фильмов, заставили ходить босиком?

Такое представлять не хотелось, потому мы заработали в два раза интенсивнее, чтобы поскорее закончить и хоть немного перекусить.

Зал был огромен. По моим прикидкам справиться должны были лишь к пяти-шести вечера. Что и произошло.

Бабушки кидали чистую траву на выметенные участки, не сильно при этом утруждаясь (на то и был расчёт) и часто отдыхая.

Алиска изредка приходила и довольно кивала головой.

– Наконец-то, – выдохнула Моника, утирая рукавом пот со лба, – я думала эта вониючая гадость никогда не закончится.

– Как вы все? – спросила я, прислоняясь спиной к прохладной стене. Сейчас бы горячий душ и сытный ужин.

– С утра желудок выл, потом ныл, а сейчас прилип к позвоночнику и не подаёт признаков жизни. Хоть бы воды дали, изверги, – пробурчала Варя. Девушка она была колоритная: высокая, метр семьдесят восемь, с пшеничной толстой косой, даже в конце рабочего дня аккуратно заплетённой, чуть раскосые красивые глаза орехового цвета. Варвара со вчерашнего вечера хмурилась и была в сильно расстроенных чувствах. И её можно понять: сюда она попала с семьёй в полном составе. Двое детей оба мальчика сейчас были неизвестно в какой части замка, и непонятно чем занимались. Супруг тоже где-то, и что с ним также выяснить пока не представлялось возможным.

– Хок! – вдруг послышался звонкий голос Алиски, и она махнула нам из другого конца зала. Мы давно сложили инвентарь в угол, поэтому тут же двинулись к ней.

– Ам-ам, – показала жестами девушка и поспешила за лестницу, там оказалась ещё одна дверь. Не замок, а квест "найди потайной ход".

Такой же коридор и два направления. В этот раз нас повели направо. Лампочка еле мерцала, поэтому мы двигались, как полуслепые кроты. И, правда, было такое ощущение, что здание строил безумец, фанатик подземных ходов-кишок. А каменные стены лишь усиливали это впечатление.

За очередным крутым поворотом мы увидели неплотно закрытую дверь, в щель которой лился тёплый жёлтый свет. Алиска рывком её распахнула и шагнула в помещение. Мы втянулись следом за ней.

Перед нами предстал большой зал в виде правильного квадрата, заполненный столами и стульями. Четыре сносно горящие лампочки давали достаточно света, чтобы всё прекрасно рассмотреть.

Столовая для рабов.

В одном углу, быстро работая ложками, ели мужчины, в другом дети, в третьем женщины, а в четвёртом люди и нелюди одетые, как Алиска.

Наши мужчины и дети были здесь. Но не все. Аркадия Акакиевича и Кирилла не было видно, хотя я не особо приглядывалась. Мои наблюдения подтвердила бабушка:

– Моего здесь нет, – женщина нервно заломила руки, – батюшки, неужто его съели?

– Бабушка, если это и так, не переживай, выплюнули обратно – несъедобен он, – пошутила я, – не думай о плохом, всё с ним в порядке, значит, задержался и доделывает свою работу.

Тут нас окликнула Алиска, стоявшая в противоположной от двери стороне у широкого раздаточного окна.

Вспомнилась моя школьная столовая. Как будто украли идею и реализовали здесь. Странный мир. Я не могу его ненавидеть, но пока и не прониклась какими-то положительными чувствами.

Мне нужно время.

В глиняную глубокую миску плюхнули серую склизкую массу, краюху тёмного хлеба и сунули в руку шербатую, исходящую горячим паром, кружку, наполненную приятно пахнущей жидкостью.

После чего я пошла искать себе место, чтобы спокойно поесть.

Прим. автора:

1. В мире есть Боги.

Онд – Бог Зла и Коварства (с норвежского) притягивает разумные существа из разных миров (что происходит очень редко), и разного уровня развития цивилизации и "кидает" их в неблагоприятные условия. Он это делает развлечения ради. Ну и есть у него определённые цели.

Ассана – Богиня Земли, с арабского "в расцвете сил", Защитница, именно Богиня Ассана наделяет "попаданцев" сверхсилой и защитой от болезней на определённое время, а именно: пока они полностью не адаптируются к новым условиям, например, не найдут постоянное убежище, или не выучат местный язык. Затем у многих свой дар забирает. Но, если разумный силен духом, дар остаётся с ним (злой/добрый не имеет значения).

Остальные Боги наблюдают, но не вмешиваются.

2. Мир состоит из людей и нелюдей: анаты – обычные люди; оркуны – краснокожие гиганты; гнарки – не больше метра (плюс-минус), фермеры; эльдоры – бледные, тонкие, безобидные "пастухи"; вассы – синеголовые людоеды; смески – разумные, родители которых из разных рас. Все они называются люди-и.

3. Язык мира (общий язык народов Ассаны) "соткан" из разных языков первых "попаданцев".

4. В этом мире нет "своих" рас. Все люди-и "пришлые".

5. Попасть животным других миров в Ассану невозможно, растения – исключение.

6. Ассаи Видика – женщина Всадница (чтица) Великих Животных, Ассаи Ведок – мужчина Всадник (чтец) Великих Животных. Дар дан от рождения, его можно развить, если изучить техники и способы слияния с душой питомца.

7. Несколько законов Ассаны: 1. Насильно брать женщину/мужчину – допускается, если это позволяет вера разумного (прописано в книге таинств Бога, которому он поклоняется). 2. Нельзя приручить/сманить чужого Ассаи, после смерти Всадника Зверь уходит. После смерти Великого Зверя Всадник может воспитать нового питомца (количество питомцев может быть

сколько угодно, только удержать над каждым из них контроль ещё та задачка, от такого сойти с ума вполне реально, но главная героиня первой книги с этим успешно справилась). 3. Животное будет таким, какой является душа Всадника. 4. Ассаи имеют свою магию: общаться со своим Видикой/Ведоком на больших расстояниях; создавать защитные поля от любого оружия; скрывать своё присутствие от себе подобных и многое другое. 5. Убить Великое Животное можно иномирным оружием (но бывают исключения, одно такое описано в книге "Ассана. Жизнь во льдах"), а также Звери гибнут в схватках между собой. 6. Дикие Ассаи населяют этот мир и их гораздо больше "прирученных". 7. Взрослого Зверя невозможно обучить и сделать своим питомцем, но с ним можно договориться, чтобы он отдал своего детёныша людям. Но ни один зверь не пойдёт на подобное, поэтому люди-и их просто убивают при помощи иномирного оружия или обманом, после чего забирают детёныша (детёнышей) себе и отдают Всаднику, у которого нет питомца. Второй вариант: просто продают на специальном рынке за большие деньги.

Глава 10 Глас

Они приходили во сне. Голоса. Жёсткие. Требовательные.

Они стучались мне в голову, старались проникнуть в возведённую мной ментальную защиту. Но я держалась. Держалась на голой воле, сцепив зубы до мерзкого скрежета.

Каждое утро чувствовала себя разбитой, но никто так и не смог покопаться в моих мыслях.

Со своими страхами я не делилась ни с кем, вокруг меня женщины вели себя, как обычно, а это значит, что такие неприятные ощущения возникают только у меня, либо они все хорошо притворяются. Почему я молчала? Не знаю, возможно, утром мне всё это казалось бредом сумасшедшего? Не знаю, да и некогда было сильно об этом задумываться.

На вторую ночь пребывания нам принесли две большие металлические переносные печи, от которых шло благодатное тепло.

И ножницы.

Вот тут-то всем стало не до благодарностей за жаровни. Нас собирались остричь.

Ещё в первую ночь я вытащила две свои самые длинные невидимки и спрятала в щель между досками лежанки. Как чувствовала, а точнее оценила внешний вид наших соседок из других комнат. И причёски у них были, в общем, они, возможно, когда-то и были, но не в данный момент.

"Парикмахерские процедуры" не заняли много времени: Алиска не заботилась об эстетике, стригла, как попало и очень быстро. Мне даже на мгновение стало страшно за свои уши, глаза, нос, вообще за всю голову. Но, видать, у девушки уже была набита рука и обошлось без травм.

Печи оставили. Хоть на этом спасибо. Пол ночи кто-то из слабонервных женщин подвывал во сне, вперемишку со всхлипами, таким образом убиваясь по утерянными косам. Мне хотелось вскочить и наорать на них, ведь это ещё не самое страшное, что могло с нами произойти, но я сдержалась. И сама не заметила, как уснула.

А потом начались трудовые будни, ни дня на отдых или просто передышку.

Уже целую неделю мы в этом огромном мрачном замке пашем, как Папа Карло, не разгибая спин. Конца и края этой пахоте не видно...

Первый день ещё был ничего, как оказалось. Зато все последующие... Если бы не заёмная сила, многие из нас, не привыкшие к таким суровым условиям труда, да что уж там говорить, которые вообще никогда не поднимали что-то тяжелее офисной папки, свалились бы от мышечных спазмов, трудовых мозолей на всю ладонь и многих других "прелестей" чрезмерной физической нагрузки.

Женщины из второй группы уже готовы были сдаться. Я видела это по их глазам. Оло появлялся в нашем загоне для рабов часто, практически каждый день, и навязчиво напоминал об условиях, при которых тяжёлый труд будет исключён и забыт, как страшный сон.

Бабушку и ещё двух пенсионерок забрали на кухню, предварительно проверив их способности. В своей бабулечке я не сомневалась совершенно: готовила она отменно, даже из малого количества продуктов у неё всегда выходило такая вкуснота – язык проглотишь, не заметишь!

Вечером она приходила уставшая, но сытая, в приподнятом настроении. Рассказывала, что все дети были при кухне на позициях: подай-принеси, почисти-поруби, отмой-замочи. Бабушка Надя тайком их прикармливала, Варя, услышав, что её чада под нормальным присмотром, несколько повеселела. Как и другие родительницы.

А сегодня моей группе девчонок выпала работа в сарае. И сначала все мы были в подавленном настроении: чистить загоны свиней не хотелось ни одной из нас. При том, что другая половина девчонок-землянок уже там были и рассказали страсти о местных хрюшках.

Это были не совсем свиньи. Схожесть с земными домашними животными ограничилась лишь пятачками. Во всём остальном отличия были существенные. Во-первых, они были мохнатые. Цвет шкуры от тёмно-коричневого до чёрного. Во-вторых, длинный крысиный хвост. Завершали картину "милых хрюшек" острые клыки и мощные копытца. В общем, эти звери представляли нешуточную угрозу любому, кто окажется в зоне их досягаемости.

Поэтому с нами вышли несколько мужчин-рабов. И каково же было моё удивление, когда среди этих бородатых, обросших сверх всякой меры матёрых мужиков, я узнала Сергея, Антона, Степана и Омара, трое других были старожилками-рабами-аборигенами и держались от нас особняком.

А уж как обрадовались девчонки, словами не передать. Там и слёзы, и сопли – всё вместе, до криков только не дошло. Два орка-стража внушительными тенями следовали за нами.

В столовой мы изредка пересекались, и то взглядами: болтать друг с другом, али сидеть рядом не разрешалось никому. А тут такой шанс обменяться новостями – грех упустить.

Алиска, быстро показав, что и где, куда перегнать свиней, пока чистим их загон, и откуда взять свежее сено для пола, удалилась в неизвестном направлении.

Вообще все второстепенные постройки и этот сарай в том числе, были построены позади замка, что было очень удобно: не нужно бегать в другой конец огромной территории. Где, по слухам, обитали мамонты и другие ценные звери аборигенов.

– Как у вас там дела? – спросила Катя, не отходя от супруга ни на шаг.

– Нас разместили в каком-то помещении со множеством комнат, там тоже живут мужчины, только их гораздо меньше нас. Все какие-то доходяги, еле ноги переставляют.

– Мы выглядим лучше них по одной простой причине, – вступила я в разговор, – у нас есть эта сверхсила. А если она в один прекрасный день закончится? Если мы так отсюда и не выберемся?

Сергей поправил очки, которых не было на переносице, потом понял это и махнул рукой:

– Всё забываю, что я уже несколько дней назад их снял.

– Как так? – удивилась Лиза, внимательно разглядывая парня.

– Понимаете, ещё когда шли вдоль расщелины, с каждым днём они мне всё больше мешали нормально видеть, а здесь я их просто снял за ненадобностью. Правда, не выкинул, припрятал. Каждое утро открываю глаза с затаённым страхом, что у меня снова минус пять.

– Вот чудеса, – покачала головой Варя и добавила, – давайте ускоримся. Мне хочется лечь спать с полным желудком.

– И не говорите, – кивнул Серёжа, – Анька, своими вопросами, ты что хотела нам сказать? Что нужно попытаться сбежать? – парень перешёл на шёпот, а я ненадолго остановилась, отёрла пот со лба и покрутила пальцем у виска.

– Не говори шёпотом, привлечёшь лишнее внимание, а так нас всё равно здесь понимает один гном.

– С чего такая уверенность? – покачал головой Антон, – может, здесь многие понимают нас, просто не говорят? Не нужно исключать такую возможность.

– Ты прав, – кивнула я, после чего оглянулась на орков, те сидели у входа в сарай и играли в какую-то незамысловатую игру, время от времени до нас доносились азартные возгласы, – всякое может быть. Нужно нам наладить связь, общаться и придумать план бегства, пока мы сильны, и можем невиданные доселе вещи, нам нужно делать ноги. И учите язык. Слушайте, переспрашивайте, нужно ассимилироваться. Я хочу понимать, куда мы попали, чтобы знать, у кого просить помощи. У этих гадов должны быть враги. Иначе просто быть не может!

Друзья кивали, принимаясь усиленно сгребать грязную траву вперемешку с остро пахнущим навозом.

– Какой мерзкий запах от этих животных, – морщась и дыша через раз, пожаловалась Моника, – мне всё кажется, что это кошмарный сон и он когда-нибудь закончится.

– Ага, и снится всем жителям нашего ЖК одновременно, – хмыкнул Степан, скидывая набранное в стоящую рядом одноколёсную тачку.

Помолчал немного и вдруг добавил:

– Ещё слышал, что Арнольд Акакиевич и Кирилл как-то подмазались к местному руководству, что-то там для них делают.

– Интересно, чего эти два жука им напели.

– Не знаю, что, но они живут отдельно, где-то на втором этаже, где обитают слуги, и теперь повыше нас статусом будут.

– А Виктор? – вдруг спросила Моника, густо покраснев.

– А он пашет, как и мы, – ответил Омар.

– И это странно, – протянула я, задумчиво нахмутив брови, – хотя из всех троих он мне показался наиболее адекватным, что ли. Но время покажет. Кстати, Омар, а почему тебя не отправили на кухню? Ты же шеф-повар.

Мужчина пожал увеличившимися в размерах плечами:

– Нам даже не предлагали такого, а что, у вас кого-то из женщин забрали готовить?

– Да, троих взяли, может и вам позже предложат такую работу, – пожала я плечами, – давайте с этой половиной заканчивать, нас ждёт вторая.

Рабочий день, наконец-то, подошёл к концу и после ужина, по устоявшейся "традиции", все женщины землянки начинались принимать водные процедуры. Умывались мы в нашей комнате под струями ледяной воды из того обрубка трубы, что торчал из стены.

Сначала многие боялись заболеть. Но со временем страх простудиться затмевала вонь немытого тела. Запах застарелого пота, вечное почёсывание всего тела, когда с ногтями хочется содрать всю кожу до кости – цивилизованный человек, при наличии чистого источника воды, долго терпеть не сможет.

В итоге все наплевали на последствия. И мы смело, шипя и попискивая, умывались местным вонючим мыком под жиденькой струйкой ледяной воды.

И пока простудившихся не было.

А сменную одежду нам так и не дали. Надевать грязное тряпье на относительно чистое тело было ещё тем испытанием, гораздо более неприятным, чем чистка навоза.

Закончив все дела, положенные перед сном, обменялась с бабушкой новостями и легла на свою лежанку. Говорить про Арнольда Акакиевича я не стала, пусть пока думает, что он нас не бросит. Но я сильно сомневалась, что ему есть до супруги хоть какое-то дело. С такими мыслями я спокойно провалилась в сон без сновидений.

А посреди ночи нас разбудил истошный, полный боли крик!

Так кричат от бессилия и ненависти.

Вопль отчаяния на грани жизни и смерти.

– Это откуда-то с улицы! – тихо воскликнула бабуля и вцепилась в мою руку. В едва тлеющем пламени жаровен я увидела перепуганные лица соседок. Женщины жались друг к другу, вслушиваясь в нечеловеческий вой.

– Они там убивают какое-то животное, – прошептала Катя, по её бледным щекам текли горькие слёзы, – мучают зверя. Не могу это слушать! – и, крепко зажмурившись, закрыла уши руками.

И я не могла терпеть. Потому что в мою голову, впервые за долгое время, пробился чужой "голос". В этот раз он не был злым. И, когда я впустила чужие мысли в своё сознание, крики снаружи резко прекратились.

Я стояла у закрытых дверей из нашего "загона" с отдельными "клетями" и думала, думала... сжимая в ладонях длинные тонкие, чуть уплощённые чёрные шпильки. Мне нужно принять решение.

Я поддалась своему сумасшествию. Кто-то всё-таки смог пробиться через возведённую мной мощную защиту.

Звуки с улицы прекратились уже давным-давно. Женщины успокоились и легли спать. Дождавшись полной тишины, я тихо вышла из нашего "загона" в общую залу.

А Глас всё ещё звучал в моей голове, отдаваясь эхом воспоминаний.

"Курлы-ы! Помоги! Забери! Сына забери! Прошу!" – там были, конечно, не слова, а образы-картинки, но в моём сознании непостижимо как, всё это переводилось в слова.

"Рлы-ы! Привязка! Прими! Он будет верен тебе до самой смерит!" – и этот кто-то замолчал, ожидая моего ответа.

Столько отчаяния и боли, мольбы... Секунда... другая и я не выдержала...

– Принимаю, – шепнула и серебристое облачко сорвалось с моих губ.

"Ухожу-у! Не достанется моё дитя этим врагам! Отомстите за меня!" – и глас исчез, как и не было.

А я, приняв решение, согнула шпильку, как мне было нужно, вставила в замочную скважину, и споро заработала самодельной отмычкой.

Глава 11 Ассаи Видика

Я шла по тёмному коридору в сторону основного зала и слегка дрожала. Адреналин будоражил кровь. Страх только усиливал острые ощущения.

Чуть приоткрыв скрипнувшую дверь, оглядела холл. Пусто. Лишь с улицы глухо доносятся мужские голоса.

Как я оказалась у выхода из замка – не знаю. Меня словно что-то вынесло к нему. Резко дёрнув на себя одну из дверных створок, высунулась наружу.

Первое, что я увидела: огромный силуэт какого-то животного. Проморгавшись (в глазах рябило от большого количества зажжённых лампочек и факелов), я взглядела пристальнее.

Птица.

Просто невероятных размеров (вот уж точно – Повелитель небес!). Гораздо больше местных слонов. В бедре торчало толстое копьё, и ещё что-то в районе мощной шеи.

Я осторожно шагнула вперёд, стараясь оставаться в тени здания, и уставилась на открывшуюся картину: мертвое тело в лужах крови, поломанные крылья, безжалостный ветер, треплющий перья великолепного животного – всё это заставило дрогнуть моё нутро от всепоглощающей жалости. И тут я расслышала чьё-то тихое "попискивание". Под крылом орлицы или соколицы (или ещё кого-то, я не орнитолог) кто-то точно был. С моего места не разглядеть, но я чувствовала *его*.

Страх, боль от потери, мольбы о помощи – я ощущала так ясно и чётко, что задрожали кончики пальцев и унять свои переживания никак не удавалось.

Рядом с погибшей птицей молчаливыми тенями, стояли четыре мамонта. Вокруг бездыханного тела, негромко переговариваясь, сустились аборигены: они споро обвязывали существо толстыми верёвками и цепляли за крючья на седле мамонтов.

Чуть дальше заметила металлическую клетку. Мне сразу стало понятно для чего, а точнее для кого она предназначалась.

– Чик тайке! – громко сказали с другой стороны тела пернатого гиганта, голос я узнала сразу – Ароко, местный правитель. – Нойе!

Нойе – значит осторожно, тайк – взять. Я уже кое-что понимала на местном языке. Чик, скорее всего птенец или цыплёнок, не сложно догадаться.

Тут я каким-то невероятным чутьём поняла, что животное под крылом приготовилось сражаться. Не знаю, что на меня нашло, но я, прикрыв веки, мысленно к нему потянулась, а почувствовав отклик, отправила сообщение: "Не сопротивляйся! Я тебя спасу! Потерпи!".

И получила доверчивый ответ: "Круу!". И картинку, где ко мне ластится золотистый птенец.

Выдохнула, прерывая связь и открывая глаза.

Птенчик вышел сам и гордо встал около матери. Он был совсем крошечный, если сравнить с размерами родительницы. Где-то мне по колено.

Мужики, что подбирались к крылу с какой-то сетью в руках, удивлённо замерли.

Тут появился Ароко и с изумлением в голосе приказал:

– Инмо клити! Гуда чика!

Ясно, приказывает гнать животное в клетку.

Но мой птах, а в том, что это мальчик я была уверена на все сто, гордо вошёл в клетку сам и клювом закрыл дверцу.

Офигеть.

Нужно возвращаться, мелькнула мысль. Не хватало отморозить пальцы на ногах, или ещё что-нибудь, гораздо более нужное.

"Я тебя найду! И не общайся с ними!" – отправила я мысль и скользнула в замок.

"Кру-у! Подожду-у!" – тёплая волна догнала меня, обволакивая в мягкий кокон. Мне верили. Меня будут ждать, сколько потребуется.

Я почти пересекла главную залу, как вдруг боковым зрением «поймала», мелькнувший на лестничной площадке, силуэт. Резко развернувшись, встретила взглядом с Алиской. Она смотрела на меня очень внимательно, и, наконец, решив что-то для себя, прижала палец к губам и весело подмигнула. После чего растворилась в тенях.

Вот как. Это интересно.

Закрыв за собой дверь, я отправилась в помещение, где мы обитали уже больше недели. Всё было тихо, женщины спокойно спали, кто-то даже громко похрапывал.

Легла на свою лавку и прикрыла веки, собираясь пообщаться со своим питомцем, ведь даже на таком расстоянии я его отчётливо ощущала. Мне нужно было выяснить, как они смогли победить такого великого зверя. Мои "сообщения" до него доходили, но вот его я почему-то не слышала. Только эмоции: грусть, печаль, тоска. Наверное, мне нужно больше тренироваться, а сейчас нужно хоть немного поспать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.